ФОМА

12+

православный журнал для сомневающихся • декабрь 2018

НЕ КИПЯТИТЕСЬ

КАК ПОБЕДИТЬ ОБИДУ: ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ЧАЙНИКОВ

ePUB

Представляем версию 188-го номера православного журнала "ФОМА" для электронных книг и программ чтения книг в формате ePUB на мобильных устройствах.

Номер издан с сокращениями.

ВНИМАНИЕ!

Полный выпуск этого номера доступен в приложении Журнал "ФОМА" в AppStore и GooglePlay, а также вы можете получить его оформив редакционную подписку на оригинальное бумажное издание.

ИД "ФОМА"

2018 г.

(С)

ОГЛАВЛЕНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Владимир Легойда. Как найти общий язык с молодежью?

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Алексей Шестопал. Человек, который видел 1968-й

ВОПРОС НОМЕРА: Как справиться с обидой?

Александр Ткаченко. Как распаковать «упакованную злость»

ВЕРА

Митрополит Антоний (Паканич). Наша Церковь не хочет быть «антироссийской», так же как и «антигреческой». Она должна быть Церковью Христовой

Патриарх Кирилл. Я пытался поговорить с патриархом Варфоломеем от сердца к сердцу

НОВОМУЧЕНИКИ

Архимандрит Дамаскин (Орловский). Преподобномученик Иоасаф (Боев)

ЛЮДИ

Татьяна Фалина. «Я взяла в семью детей заключенных. И должна буду их вернуть»

КУЛЬТУРА

Владимир Воропаев. Тарас Бульба

Александр Ткаченко. Горы в Евангелии

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Как найти общий язык с молодежью?

То и дело в Сети появляются видеоролики, в которых молодые люди не могут ответить на довольно простые, в общем-то, вопросы в рамках школьной программы: что написал Чехов, кто такие маринисты и так далее. Обсуждаются эти видео бурно. И с обязательным сетованием на качество школьного и университетского образования.

Мне же такие ролики напоминают одну историю. Как-то моя коллега пожаловалась мне после лекции: «Представляешь,— говорит,— ловко вворачиваю сегодня на лекции крылатую фразу из фильма “Мимино”: “Такую личную неприязнь я испытываю к потерпевшему, что кушать не могу”». И вместо дружного хохота, который она ожидала, в зале — гробовая тишина. Мы тогда с ней поохали. Прямо Шекспир какой-то. В том смысле, что так вот и рвется дней связующая нить, теряем общий язык с молодым поколением.

А что значит — говорить на одном языке? Наверное, это одинаково понимать образы, символы, узнавать цитаты из фильмов и книг, вместе петь песни, обсуждать любимых героев. Находиться в одном культурном и смысловом поле. Это, знаете, как в анекдоте про анекдот. «Расскажи анекдот. — Тридцать второй». И все смеются. Ха-ха-ха.

Бездна юмора, море горечи, почти документальная, но, несомненно, возвышающая история жизни. Человеку, посмотревшему «Калину красную», не надо объяснять, что такое катарсис. Он его обязательно переживет. Если нет, то что-то явно не так. Только не с фильмом — с человеком.

Такие знания обычно называют фоновыми. Когда они общие, понимать друг друга легко. Когда разные — люди становятся иностранцами, даже если говорят на одном языке. Конечно, у детей и взрослых всегда фоновые знания отличаются. На уровне сленга, героев, цитат из любимых книг и любимых фильмов. И полностью этого невозможно избежать. Это, кстати сказать, и есть одна из причин извечного конфликта отцов и детей. А вот опасно, когда этот фон, эти культурные поля становятся совсем разными. То есть когда они вообще не пересекаются. А когда-то фоновые знания были общими у целых поколений. У нескольких поколений одни и те же фоновые знания.

В современном мире это совсем не так. Как здесь не потеряться, как не перестать понимать друг друга? Думаю, что прежде всего не нужно ахать и охать по поводу ужасного молодого поколения. Этот стон у нас песней зовется еще с древнеегипетских времен. Я стараюсь рассказывать своим студентам про «Мимино», про «Калину красную».

Я буду очень рад, если они их посмотрят. Если они полюбят Высоцкого, если им не надо будет объяснять, кто такой Сталкер. Но хорошо и мне знать, как Гарри Поттер попал в Хогвартс и кто такие дементоры. Ведь о том, что дорого и важно, можно поговорить и с помощью книг Джоан Роулинг. И тогда дней связующая нить не порвется.

Но, кстати, если быть точным, в оригинале у Шекспира Гамлет ничего не говорит про связующую нить. Этот блестящий образ придумал другой гений — Борис Пастернак. Именно в его переводе принц Датский размышляет над тем, как соединить обрывки времени. А вот у

Шекспира Гамлет сравнивает время с вывихом, который он должен вправить. Другой образ, правда? Менее драматичный, хотя и болезненный. Это я к тому, что проблема разных фоновых знаний тоже болезненная, но поправимая. Было бы желание.

Видеоверсию этой колонки смотрите на телеканале «Царьград» (tsargrad.ru)

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Человек, который видел 1968-й

50 лет спустя мы говорим с ним о протесте, свободе и вере

«За что погибли эти люди?» — думал он, когда оказался на площади Трех Культур в столице Мексики, где в октябре 1968 года правительственные войска расстреляли студенческую демонстрацию. А ведь еще несколько месяцев назад он и сам, вдохновленный порывом к свободе, выступал перед митингующими.

Прошло 50 лет, и сегодня наш герой уже совсем не склонен романтизировать протесты 1968 года, хотя парадоксальным образом именно эти события он связывает со своим приходом в Церковь.

Наш собеседник — Алексей Викторович Шестопал, доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО МИД России.

«Я взошел на трибуну и стал громко и с выражением читать стихи Маяковского»

— Алексей Викторович, Вы — очевидец событий 1968 года. Теперь они стали легендарными, о них пишут в учебниках истории...

— Да, я действительно был непосредственным свидетелем протестов 1968 года. Причем я видел протесты не только в Латинской Америке, но и во Франции, где был тогда проездом несколько дней.

Помню, как по парижским улицам нескончаемым потоком шли молодые люди и кричали: «Че! Че! Че Гевара!», «Хо! Хо! Хо Ши Мин!» Это впечатляло! Передо мной шествовало «поколение 68-го» или, как его еще называли, «поколение свободы», которое сыграло огромную роль в истории второй половины XX века. Но лично для меня 1968 год — это прежде всего Мексика.

Я тогда был журналистом и аспирантом МГИМО и должен был стажироваться в Эль Колехио де Мехико *(высшее учебное заведение,*

которое готовит специалистов в области политических и социальных наук. — Ред.). Кроме того, в 1968 году в Мексике проходили летние Олимпийские игры и приуроченная к ним Олимпиада молодежи, и я был членом международного экспертного комитета этой Олимпиады. Прилетев в Мехико, я несколько дней провел в мастерской знаменитого мексиканского художника Давида Сикейроса — смотрел, как он работает, слушал его помощников, которые бурно обсуждали демонстрации в США и во Франции. Сам Сикейрос, участвовавший в молодости в Мексиканской революции, а затем и в Гражданской войне в Испании, был необычайно воодушевлен происходящим.

Алексей Викторович Шестопал в мастерской художника Давида Сикейроса. Куэрнавака, Мексика. 1968

Во время одной из первых демонстраций в столице со мной произошел необычный эпизод. Участники митинга в Национальном университете

узнали, что я из Советского Союза — а к нам тогда многие мексиканцы испытывали большую симпатию, — и меня попросили выступить. Я к такому был совершенно не готов. Хорошо, что нашелся человек, который подсказал мне прочитать стихи «кого-нибудь из ваших». Мне вручили книжечку Маяковского, я поднялся на трибуну и стал громко и с выражением читать его стихи. Аудитория встретила мое выступление с бурным восторгом.

А вот наш Олимпийский комитет отнесся к моему триумфу иначе: меня, от греха подальше, отправили путешествовать по всей стране. Олимпиада, сказали мне, не только на столичном стадионе будет проходить, и мне, как журналисту, надо бы познакомиться и с другими спортивными объектами. И, как оказалось, мне крупно повезло. Благодаря этому решению комитета я проехал по всей стране и мог видеть, как на моих глазах повсеместно нарастало молодежное протестное движение. Не скрою, тогда, единственный раз в своей жизни, я с восхищением наблюдал за этой людской лавиной, за этим извергающимся вулканом протеста и борьбы. Оно и понятно: мне было 24 года.

В Мексику я вернулся осенью, как раз после разгона правительственными войсками протестующих на площади Трех Культур, вошедшего в историю как «Резня Тлателолько» *(по официальным данным, погибло несколько сот человек. — Ред.)*. В городе повсюду чувствовалось напряжение: на улицах военные патрули, бронетранспортеры. Нас привели на эту площадь, показали, где лежали тела убитых, — многих из них я знал лично.

— А как Вы лично воспринимали тогда эти события? Чувствовали ли солидарность с протестующими?

— Конечно, тогда мне импонировали протесты. Однако второй приезд в Мексику подействовал на меня отрезвляюще. Я осознал, что романтизировать протест нельзя. «За что погибли эти люди?» — думал я тогда. Ответить на этот вопрос я не могу и сегодня. Но одно могу сказать точно: для многих знакомых мне людей 1968 год стал толчком к вере. А если говорить о себе… Прошло 50 лет. Мне уже 74 года, и я могу сказать определенно, что очень благодарен опыту 1968 года.

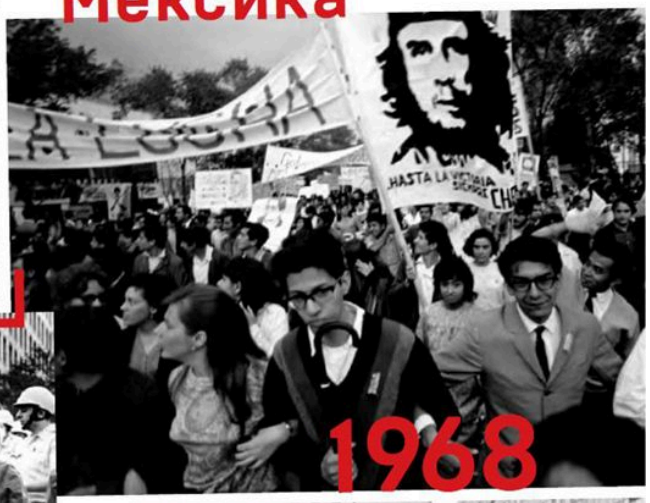
Дело в том, что мое отрочество и юность не были отмечены религиозными размышлениями. Я вырос в интеллигентской среде — не атеистической, но и не верующей. Однако с самого детства я был глубоко погружен в русскую культуру, которая все-таки зиждется на христианских ценностях. Это внутренне подталкивало меня к размышлениям на религиозные темы и в конце концов — к принятию веры. И в этом внутреннем, для меня самого тогда еще не осознанном процессе 1968 год стал своего рода спусковым механизмом, который как бы поднял меня на другую ступень. Думаю, что как раз тогда и начался мой длинный путь в Церковь.

— Что же в событиях 1968 года запустило этот процесс?

— Я осознал, что даже самые радикальные попытки преобразовать мир обречены на провал, что решение проблемы человеческой неустроенности в этом мире лежит где-то в другой плоскости. Как недавно отметил один мой коллега: «Русская история — совершенно удивительное явление. До поры до времени все в ней развивается медленно, неторопливо, пока вдруг не рванет и не произойдет резкий радикальный поворот на… 360 градусов». То есть с чего начали, тем и закончили. Мне кажется, что протесты 1968 года в каком-то смысле похожи на такой поворот — на 360 градусов. Общество не стало свободнее, наоборот, после нового исторического витка возникли новые формы принуждения.

Мексика

1968

В 1968 ГОДУ В МЕКСИКЕ ЗАРОДИЛОСЬ СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. ЕГО УЧАСТНИКИ БЫЛИ НЕДОВОЛЬНЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРЕЗИДЕНТА, В ЧАСТНОСТИ — ПРОВЕДЕНИЕМ В СТРАНЕ ДОРОГОСТОЯЩИХ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР. ПОМИМО РЕШЕНИЯ НАЗРЕВШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ, СТУДЕНТЫ ТРЕБОВАЛИ ПОЛНОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ АВТОНОМИИ. ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ СТРЕМИТЕЛЬНО РОСЛО, ОДНАКО ОСЕНЬЮ БЫЛО ЖЕСТОКО ПОДАВЛЕНО. 2 ОКТЯБРЯ НА ПЛОЩАДИ ТРЕХ КУЛЬТУР В СТОЛИЦЕ МЕКСИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ВОЙСКА РАССТРЕЛЯЛИ ДЕМОНСТРАЦИЮ.

Мир как «глобальная деревня»

— А как Вы думаете, правомерно ли причислять события 1968 года к одним из самых значительных, поворотных для второй половины XX века? Не преувеличение ли это?

— Я полагаю, что это вполне справедливо. Хотя, конечно, не стоит забывать и о других, не менее значимых событиях той эпохи: первый полет человека в космос, завершившийся процесс деколонизации, когда главным образом Франция и Великобритания постепенно покинули свои колонии, окончание холодной войны и развал Советского Союза.

Однако события 1968 года в некотором смысле стоят особняком, потому что в значительной степени были связаны с самим обществом, с его структурными изменениями. Безусловно, это было время интенсивных духовных исканий, время кризиса, и не только социального и правового, но и мировоззренческого. Кроме того, демонстрации и протестные настроения, которые захлестнули тогда почти весь мир, ознаменовали то, что в социологии принято сегодня называть переходом от индустриального к постиндустриальному обществу.

— А в чем разница между индустриальным и постиндустриальным обществами?

— В течение нескольких десятков лет благодаря научно-технической революции, начавшейся еще на рубеже XIX–XX веков, произошел колоссальный прорыв в военной технике, в производстве энергии, включая открытие внутриядерной энергии и создание атомной бомбы, в медицине и, конечно, сфере передачи информации, прорыв, превративший мир в «глобальную деревню»: земной шар как бы «сжался» до размеров захолустной деревушки — настолько быстро распространяется там теперь информация.

Параллельно в начале XX века началась глобализация. Складывался единый, глобальный рынок, границы между культурами постепенно стирались, начался процесс их взаимопроникновения. Теперь один и

тот же человек может увлекаться йогой, носить английские костюмы, любить японскую кухню и читать русскую классику — это и есть почерк глобализма.

Изменился и сам человек. Произошел постепенный демонтаж прежней системы ценностей, вслед за которым начался медленный и очень болезненный процесс выстраивания новой.

Наконец, в постиндустриальном обществе на передний план выходит специалист, ученый, креативщик, менеджер, иначе говоря, человек, способный работать с огромными потоками информации, — вот кто становится востребованным на рынке труда. И этот новый человек постиндустриальной эпохи уже иначе воспринимает то, каким должен быть социальный порядок.

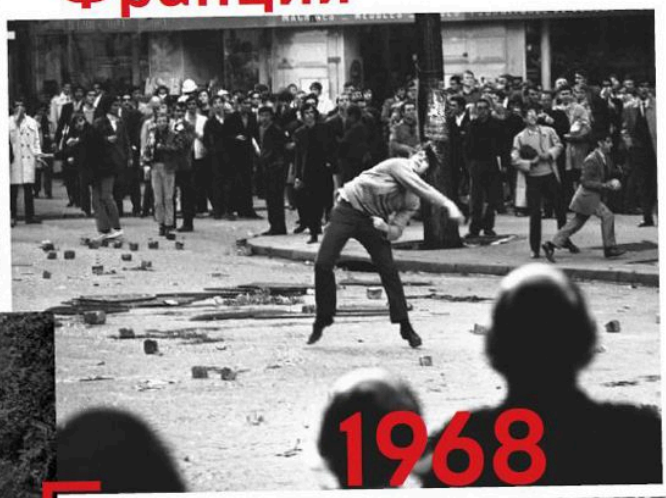
Этот новый человек-креативщик не может и не хочет работать «по гудку», потому что он не производит свой продукт на конвейере. Его по большей части творческая деятельность требует большего пространства для самореализации, большей гибкости в организации времени, большей независимости.

Более того, всякая внешняя форма принуждения — исходит ли она от общества, государства или Церкви — вызывает у него «аллергию». Ему кажется, что они стесняют его, препятствуют саморазвитию. Он хочет, чтобы под булыжником мостовой был… пляж. Пляж здесь — метафора свободы, творчества, раскрепощения. Таков, как мне кажется, внутренний, скрытый смысл одного из самых известных лозунгов протестов 1968 года.

Философы Франкфуртской школы первого поколения *(ряд философов XX века, которые критиковали индустриальное общество. — Ред.)* писали, что индустриальное общество всегда тяготеет к тоталитаризму, оно порождает авторитарную личность. А вот постиндустриальное всеми силами противится такому социальному порядку. Оно стремится к демократизации, духовному раскрепощению человека. Однако вместе с развитием технологий увеличиваются и возможности манипулирования общественным сознанием.

Франция

1968

В МАЕ 1968 ГОДА В УНИВЕРСИТЕТЕ ПАРИЖ X — НАНТЕР, А ЗАТЕМ И В СОРБОННЕ НАЧАЛИСЬ СТУДЕНЧЕСКИЕ ПРОТЕСТЫ. УЧАЩИЕСЯ ТРЕБОВАЛИ РАСШИРИТЬ АВТОНОМИЮ УНИВЕРСИТЕТОВ, ОСВОБОДИТЬ ОБРАЗОВАНИЕ ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДИКТАТА,ОТКАЗАТЬСЯ ОТ УСТАРЕВШИХ, КАК ИМ КАЗАЛОСЬ, ТРАДИЦИОННЫХ НОРМ МОРАЛИ. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОЛНЕНИЯ ПЕРЕРОСЛИ В ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНУЮ ЗАБАСТОВКУ: К ПРОТЕСТАМ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ ПРОФСОЮЗЫ. ОДНАКО К КОНЦУ МАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВО СУМЕЛО ДОГОВОРИТЬСЯ С РАБОЧИМИ. ВСКОРЕ ПРОТЕСТЫ СОШЛИ НА НЕТ. В 1969 ГОДУ ПРЕЗИДЕНТ ФРАНЦИИ ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ УШЕЛ В ОТСТАВКУ, А В СТРАНЕ НАЧАЛАСЬ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Франция
УЧАСТНИКИ СТУДЕНЧЕСКИХ ВОЛНЕНИЙ НАПРАВЛЯЮТСЯ К ТРИУМФАЛЬНОЙ АРКЕ. ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ. МАЙ 1968
1968

«Дети выражали протест своих родителей»

— И как же этот переход был связан с событиями 1968 года? И почему протестные настроения оказались настолько глобальными?

— Дело в том, что само индустриальное общество зиждилось на ценностях и смыслах просвещенческой модели культуры, которая зародилась в XVII веке и была доминирующей в Европе на протяжении более чем трех столетий. За это время сложился особый тип мышления, ориентированный на строгую рациональность, объективность, если угодно, математическую точность, презирающий все иррациональное, в том числе религиозное. Однако к середине XX века этот тип культуры столкнулся с кризисом. И не последнюю роль в этом сыграли катастрофы Первой и Второй мировых войн.

И одновременно началась волна повсеместных протестов, причем самых разных: рабочие и служащие выступали против давления предпринимателей и за улучшение условий труда, за сокращение рабочего дня; национальные меньшинства выступали против расовой дискриминации; студенты — против внутренних ограничений системы образования и за автономию университетов. А молодежь протестовала против, как ей казалось, устаревших норм морали, и ее настроения были крайне антиклерикальными.

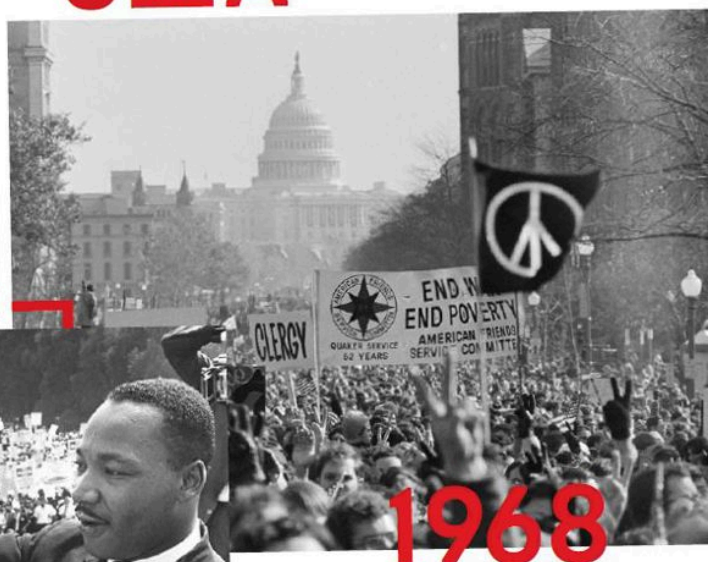
И все эти разные по своей социальной природе движения друг друга подпитывали, перекликались друг с другом, усиливая и «глобализируя» протест. Причем нельзя сказать, чтобы люди, заряженные этой вспышкой глобального несогласия, понимали, что происходит на самом деле. Студенты, бежавшие в мае 1968 года по улицам Парижа с криками: «Че! Че! Че Гевара!», «Хо! Хо! Хо Ши Мин!», скорее всего, плохо знали, что на самом деле происходит в Латинской Америке или во Вьетнаме. Так же, как, восхищаясь «культурной революцией» в Китае и размахивая на демонстрациях маленькой красной книжечкой — «Цитатником Мао Цзэдуна», они не представляли себе, какие зверства творились в это время в Китае.

— Ясно, что в массовых демонстрациях 1968 года участвовали в основном молодые люди. Выходит, это был пик недовольства только среди молодого поколения? Тех, кто был постарше, все устраивало?

— Нет, я думаю, что молодое поколение выкрикнуло то, что глобально накопилось во всем обществе. Во многом дети выражали протест своих родителей. Взять, к примеру, движение против расовой дискриминации в США. Можно ли сказать, что пастор Мартин Лютер Кинг, который был убит — внимание! — в апреле все того же 1968 года, и те молодые люди, которые сплотились вокруг него, выражали только протест своего поколения? Конечно, нет. А демонстрации против войны во Вьетнаме? Был ли это протест только тех, кто мог погибнуть на этой войне? Нет, это был протест всего общества.

США

1968

В 1968 ГОДУ В США ПРОШЛИ МАСШТАБНЫЕ ДЕМОНСТРАЦИИ. ПРОТЕСТУЮЩИЕ ТРЕБОВАЛИ ПРЕКРАЩЕНИЯ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ И УПРАЗДНЕНИЯ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ. ПОСЛЕ УБИЙСТВА МАРТИНА ЛЮТЕРА КИНГА — ЛИДЕРА ДВИЖЕНИЯ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА ЧЕРНОКОЖИХ В США — БОЛЕЕ ЧЕМ В 100 ГОРОДАХ НАЧАЛИСЬ МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ, КОТОРЫЕ СОПРОВОЖДАЛИСЬ СТОЛКНОВЕНИЯМИ С ПОЛИЦИЕЙ. В ИТОГЕ К 1973 ГОДУ ВОЙСКА США БЫЛИ ВЫВЕДЕНЫ ИЗ ВЬЕТНАМА, А В 1974 ГОДУ В СТРАНЕ БЫЛ ОТМЕНЕН ПРИЗЫВ В ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ. ПОСТЕПЕННО БЫЛА УПРАЗДНЕНА И РАСОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ.

Одномерный человек

— Демонстрации и волнения в США или во Франции проходили все-таки на фоне стабильного экономического роста. Отчего же именно в этих странах протесты оказались самыми масштабными?

— Действительно, вы правы: перед «поколением 68-го» уже не стояли те материальные проблемы, с которыми столкнулись их родители — страшный экономический кризис 30-х годов, Вторая мировая война, период восстановления после ее окончания. Но этому новому, молодому поколению было мало внешнего комфорта. Оно взалкало свободы, абсолютно нового, духовного раскрепощения. Причем эту жажду испытали и молодые люди в СССР, жившие в условиях, далеких от того благополучия, которое было в Западной Европе и США, а это несколько корректирует поставленный вами вопрос.

В первую очередь мы должны учитывать не уровень экономического развития, а духовную характеристику времени. Что-то назрело и внутри общества, и внутри самого человека. Что именно — ответить непросто. Мне кажется, здесь уместно вспомнить книгу философа Герберта Маркузе «Одномерный человек», которая оказалась очень востребованной в 60-е годы и разошлась огромным тиражом.

Одномерный человек, по Маркузе, — это дитя индустриальной эпохи, лишенный какого бы то ни было выбора. Он — конформист, человек, абсолютно дисциплинированный теми условиями жизни, в которых он оказался с рождения. Само промышленное производство приучило его мыслить одномерно, стандартизированно. Такой человек не способен взять на себя ответственность, быть инициативным, пойти на риск. Он всегда ждет указания сверху, он приучен к жесткому диктату индустрии.

По сути, именно такому человеку противостояло новое поколение, которое в историю вошло как «поколение свободы». Оно требовало раскрытия в человеке его подлинного потенциала, снятия с него цепей всевозможных стандартов, уравнивающих всех людей, делающих их однотипными и однородными.

Отсюда и знаменитые лозунги студентов, протестовавших в мае 1968 года в Париже: «Под булыжниками мостовой — пляж!», «Будьте реалистами, требуйте невозможного!», «Запрещено запрещать!» Более того, в складывающемся постиндустриальном обществе одномерный человек в принципе уже был не нужен.

— Известно, что одним из девизов протестующих в США был «Tell it like it is» ***(англ. — «Скажи все как есть», самая знаменитая сольная работа американского певца Аарона Невилла, с которой он в 1967 году возглавил ритм-н-блюзовый чарт журнала «Билборд». — Ред.).*** **А потребительское общество впоследствии переделало его на «Sell it like it is»** ***(англ. — «Продаем все как есть», строчка из песни Дэвида Грэя «Dead in The Water». — Ред.).*** **Не это ли произошло и с глобальным протестом 1968 года? Ведь его лозунги фактически монетизировали, а главных героев — таких как Че Гевара — превратили в «товарные марки». То есть 1968 год «приручили» и подладили под запросы очарованного протестом обывателя? Ему теперь не нужно выходить на демонстрации, достаточно просто купить в магазине, к примеру, майку с революционным лозунгом и на этом успокоиться?**

— Да, я вполне могу с этим согласиться. Общество потребления оказалось чрезвычайно гибким и сумело переварить даже такую бурю. Хотя итоги 1968 года были очень разными. Во Франции майские протесты фактически сами собой сошли на нет *(равно как и студенческие волнения в ФРГ и Западном Берлине. — Ред.)*, недаром многие сегодня называют их «революцией, которой не было». Протесты в Мексике подавили при помощи грубой военно-политической силы. И это важно понимать. 1968 год — это не радужный фестиваль свободы, а очень жесткая, иногда кровавая борьба.

Сам креативный класс впоследствии был ассимилирован: талантливых — купили, а тех, кто продолжал протестовать, — либо устранили, либо о них просто забыли. Общество потребления всех сумело пристроить.

В целом, левые движения *(речь идет о политических группах, выступающих за социальное равноправие; самые известные из них:*

коммунисты, социалисты, анархисты. — Ред.) по всему миру пошли на спад. Кто-то принял навязанные силой правила игры и перешел на сторону правых, другие ушли в радикальные подпольные организации. Если говорить об интеллектуалах, то многие из них заняли деструктивную позицию, то есть стали говорить о том, что будущее не за порядком и законом, а за хаосом, за полным разрушением стереотипов. Это была своего рода философия хаоса, достаточно маргинальная до 1970-х годов, но которая стала нарастать после протестов 1968 года. Примечательно также и то, что в ответ на глобализацию постепенно начинается обратный процесс, когда локальные культуры и цивилизации начинают бороться за возвращение к своим корням.

Чехословакия

1968

В 1968 ГОДУ В ЧЕХОСЛОВАКИИ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРОВЕЛО РЯД ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ ПОД ЛОЗУНГОМ «СОЦИАЛИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ». В ОТВЕТ НА ЭТО, В НОЧЬ С 20 НА 21 АВГУСТА, НА ТЕРРИТОРИЮ СТРАНЫ БЫЛИ ВВЕДЕНЫ ВОЙСКА ПЯТИ СТРАН ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА (СССР, БОЛГАРИИ, ВЕНГРИИ, ПОЛЬШИ И ГДР). ЭТО СПРОВОЦИРОВАЛО ВСПЛЕСК АНТИСОВЕТСКИХ НАСТРОЕНИЙ ПО ВСЕМУ МИРУ И УСИЛЕНИЕ ДИССИДЕНТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР. В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОЦЕСС ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ В ЧЕХОСЛОВАКИИ БЫЛ ПРЕРВАН. В ОКТЯБРЕ НАЧАЛСЯ ПОЭТАПНЫЙ ВЫВОД СОВЕТСКИХ ВОЙСК С ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ.

«Поколение свободы» и «поколение ответственности»

— Если бы такая возможность появилась, что бы Вы с тем опытом и знанием, которые у Вас есть сегодня, сказали митингующим весной 1968 года в столице Мексики?

— Скажу честно, что сейчас я не пошел бы выступать на площади перед толпой молодежи. Слишком велика ответственность. Но если бы мне пришлось встречаться и беседовать с ними в более камерной обстановке, то я постарался бы убедить их спокойно подумать над тем, что происходит, прежде чем предпринимать какие бы то ни было действия. Я и как преподаватель на протяжении многих лет на конкретных примерах показываю своим студентам, как важно воздерживаться от скоропалительных и необдуманных поступков. Особенно в ситуации кризиса, когда каждый опрометчивый шаг может обернуться катастрофой. К чему такие шаги приводят, я видел своими глазами — осенью 1968 года в столице Мексики.

— Сегодняшнее западное общество традиционно называют «свободным». Как Вы думаете, именно к такому обществу стремилось «поколение 68-го»?

— Я не думаю, что многие из «поколения 68-го» пришли бы в восторг, увидев сегодняшнее западное общество. Этот диктат меньшинств, отрицание не только религиозных ценностей, но даже общепринятых общественных норм кажется мне совершенно разрушительным. Элементарные моральные нормы, семейные ценности, свобода выражения религиозных чувств — все это, к сожалению, теперь искажается или вовсе табуируется. То, что западное общество пойдет по такому пути, поколение 68-го вряд ли могло себе представить, и вряд ли за такое будущее оно боролось.

— Протестующие 1968 года по большей части боролись за эмансипацию, за преодоление расизма, за нормализацию условий труда. И складывается ощущение, что такая борьба в какой-то мере соотносится с духом евангельской морали, которая как раз

впервые в истории провозгласила абсолютную ценность человеческой личности и ее свободы. Как Вам кажется, насколько уместна здесь подобная параллель? Действительно ли ценности протестующих 1968 года и евангельские ценности в чем-то схожи, или это только кажущееся сходство?

— Это очень важный и одновременно очень сложный вопрос. Действительно, именно в 60-е годы XX века в Западной Церкви происходят значительные сдвиги, которые, на мой взгляд, укладываются в логику 1968 года. Так, на Втором Ватиканском соборе (1962–1965) было заявлено о необходимости начать диалог с современной культурой. Церковь, утверждали многие участники обсуждений, должна быть прогрессивной; она должна обратиться к миру на новом, понятном для современных людей языке.

Тогда же в Латинской Америке зародилось мощное католическое движение — теология освобождения. Это была форма своеобразного христианского социализма, провозгласившая, что бедность является общественным грехом, что христианин не имеет права закрывать глаза на социальную и политическую несправедливость, что всякая форма эксплуатации должна быть уничтожена и так далее. Конечно же, ультрарадикальные, в том числе и партизанские, формы этого движения нельзя было назвать подлинно христианскими; они противоречили самой идее Церкви, задаче, которая стоит перед ней. В теологии освобождения политика зачастую подавляла религию. В конце концов папа Иоанн Павел II это учение осудил. Однако многим в то время казалось, что параллель между евангельской моралью и протестами 1968 года вполне возможна.

Более того, важно понимать, что стремление к свободе, которое в 1968 году достигло своего пика, охватило самые разные страны и вылилось в различные формы. Скажем, для многих протестующих студентов свобода напрямую связывалась с абсолютным отказом от имеющихся законов, правил, традиций, что, в частности, вылилось в появление печально известного движения «Красные бригады» *(подпольная леворадикальная организация в Италии, основанная в 1970 году. — Ред.)*. Для других же, наоборот, 1968 год стал прологом к освобождению от навязанного культурой Просвещения

выхолощенного рационализма, вслед за которым началось медленное возвращение к ценностям когда-то утраченного религиозного сознания.

Поэтому, отвечая на ваш вопрос, скажу так: я, конечно, не теолог, но свобода в христианском смысле этого слова — это в первую очередь внутренняя свобода, это пребывание в Царстве Божием, которое, по словам Христа, внутри нас есть. Читателям «Фомы» я бы в связи с этим рекомендовал обратить внимание на два знаменитых сборника, написанных русскими философами: «Вехи» и «Из глубины». Первый появился вскоре после революции 1905 года, а второй — уже после событий октября 1917-го. Стержневая идея этих двух сборников очень христианская: прежде чем приступать к изменению внешних обстоятельств, нужно сначала изменить самого себя. Подлинная свобода рождается не из создания для нее каких-то благоприятных внешних условий, а внутри нас — в личном нравственном выборе. Этот выбор всегда должен сопровождаться пониманием последствий, то есть он должен быть ответственным. Свобода и ответственность — нерасторжимы. И хочется спросить: а стало ли то «поколение свободы» «поколением ответственности»? Увы, мне кажется, нет.

Беседовал Тихон Сысоев

Тупиковая ветвь революции

Послесловие к интервью с Алексеем Шестопалом

Марина Борисова

Загадку 1968 года до сих пор не могут объяснить ни политологи, ни социологи. Почему именно в этом году люди в разных точках планеты одновременно впали в революционный раж? Пожары, баррикады, стычки с полицией, «коктейли Молотова», массовые демонстрации, всплеск партизанских войн и этнических восстаний… Главное, никто не понимал природы происходящего. Социальное недовольство в 1968-м не было направлено против какого-то конкретного политического режима или устройства. Оно было разлито в воздухе и порождало протест против любого неравенства: социального, расового, этнического, сексуального. Но у всех недовольных был обобщенный символ ненависти — фигура власти: начальник, хозяин, отец. Это был бунт против иерархии и патернализма во всех формах их проявления. Это был анархический протест против всех авторитетов и традиционных заповедей.

Но революции редко добиваются того, чего ожидают их участники. И 1968 год не исключение. Впрочем, ни французские студенты, ни советские диссиденты не добивались политической власти. А вот новый мир они все-таки создали. Правда, мир, совершенно непохожий по своему устройству и духу на тот, который они себе представляли.

По обе стороны «железного занавеса» протесты вынуждали строить «социализм с человеческим лицом», и в Европе на самом деле удалось создать общество социального благополучия, в котором граждане могут при желании работать мало и получать зарплату и социальные пособия, а на пенсии путешествовать по всему миру. Но теперь и там вынуждены сворачивать социальные программы. А китайцы больше не хотят за копейки горбатиться на опасном производстве для того, чтобы европейские недоросли до 40 лет могли бесплатно учиться и заниматься свободным творчеством. Но готовы ли европейцы безропотно отказаться от привычного уже образа жизни?

После 1968-го революция окончательно стала технологией. В последующих «цветных революциях» все было, как тогда: романтика, искренность участников, карнавал, рок-н-ролл — коммерческая попса умеет лихо имитировать драйв 1960-х. Но все это только для того, чтобы заменить одного президента на другого.

«Поколение 68-го» жило в интенсивных религиозных поисках. Появилась «теология освобождения» — причудливая смесь марксизма и католицизма, провозгласившая Христа революционером, а Маркса, Ленина и Мао — апостолами святости. Но именно этот религиозный поиск породил гламурную религиозность. Европейская и американская молодежь в 1960-е заново открыла для себя Восток, массово поверив в буддизм, индуизм, суфизм и «трансцендентальную медитацию». Но чужая традиция, воспринятая между затяжками марихуаной, не принесла радости. И сегодня в моде новый консерватизм. Вот только ведет он почему-то не столько к храму, сколько к всплеску национализма. Появится ли новая утопия «единого мира»? Если нет, похоже, нас ждет новая эпоха националистических и религиозных войн.

Как ураган прошелся 1968-й по семейным ценностям. Женщины добились права на аборт и контрацепцию (в той же Франции презервативы появились в свободной продаже лишь в начале 1970-х). Начала нарастать, превращаясь в цунами, волна разводов. Уравняв мужчин и женщин в правах, революция 1968-го, казалось бы, сделала семейные отношения более справедливыми. Но уничтожение иерархичной традиционной семьи с ее четко прописанными ролями превратило брак в арену непрерывного гендерного противостояния. У молодых не стало ориентиров, они были обречены непрерывно экспериментировать, поскольку брак утратил сакральность и все образцы стали относительными. К чему в результате привели эти эксперименты — мы видим. Но может ли всех устроить такая формула личного счастья?

И еще. Именно в 1968 году была основана компания Intel, ставшая детонатором другой революции: компьютеры, которые были крутой научной и военной техникой, вошли в быт. Типичная бюрократическая корпорация IBM в жизни не допустила бы разработки персонального компьютера. Его собрали в гараже два хиппующих студента — Стив Джобс и Стив Возняк. И технологии, прежде всего информационные, стали одним из самых мирных способов ухода от социальной реальности. Строительство социальных утопий переместилось в пространство программных кодов. Вот только теперь все

просвещенное человечество ломает голову, как не дать этой воронке поглотить себя без остатка.

ВОПРОС НОМЕРА

Не могу справиться с обидой. Что делать?

Письмо в редакцию

на e-mail: vopros@foma.ru

Я часто обижаюсь на своего сына. Ему всего пять лет, но он все время спорит со мной, огрызается, а иногда просто специально делает что-то назло мне. Я пытаюсь ему объяснить, что так нехорошо делать, но обычно мне становится так обидно, что я просто ухожу в свою комнату и плачу. Потом сын ко мне приходит, как будто ничего не произошло. А мне хочется, чтобы он понял, как мне было больно от его поведения. И я продолжаю обижаться на него. Он приходит и хочет, чтобы мы поиграли вместе или я ему почитала книжку. А я лежу на диване с каменным лицом и делаю вид, что не замечаю его. Он пугается, начинает плакать, говорит «мамочка, прости». Мне его очень жалко в такие моменты, но я не верю, что он действительно осознал, как меня обидел. И продолжаю обижаться.

Мне самой от этих повторяющихся историй очень плохо. Я понимаю, что обижаться — это грех, а уж тем более — обижаться на маленького сына. Но ничего не могу с собой поделать. А с другой стороны, ведь есть же заповедь «почитай родителей своих». А мой сын относится ко мне как к своей ровеснице — грубит, не слушается, все время хочет, чтобы все было только по его. Я ращу его одна, папы у нас нет. И я не знаю, что мне со всем этим делать. Обида — неправильное чувство, но победить ее у меня не получается.

Светлана

Обида: Как распаковать «упакованную злость»?

Александр Ткаченко, психолог

Сточки зрения психологии нет чувств «правильных» или «неправильных». Есть просто чувства, которые переживает человек и которые не являются досадной или вредной ошибкой. Каждое из них вполне реально, с каждым из них следует считаться и относиться к ним с уважением. А уж тем более — когда за ними стоит человеческая боль, страдание, душевная рана.

Обида мамы на своего маленького ребенка — чувство очень сильное и болезненное. И когда его обесценивают, объявляют «неправильным» и детально объясняют уставшим, измотанным мамочкам, почему они не должны его испытывать, это примерно то же самое, как если человеку с больным зубом рассказывать, почему он сам виноват в своих страданиях.

Мамы обижаются на своих детей. Это просто факт их эмоциональной жизни, возникающий в условиях длительного стресса, вызванного переутомлением, хронической нехваткой сна, отсутствием поддержки родных, высокой ответственностью за жизнь и здоровье своего малыша. Давать негативную оценку этому факту — дело заведомо

бессмысленное и беспощадное, которое лишь прибавляет к горечи от обиды еще и горечь вины за эту обиду. Поэтому мы просто попробуем здесь рассказать о том, что же такое обида, описать механизм ее возникновения и поговорить о том, как можно справляться с этим болезненным чувством.

У обиды в психологии есть несколько имен. Например: обида — это невыраженное требование. И действительно, это чувство возникает, когда ты считаешь, что твои права были в чем-то ущемлены, тебя оскорбили, причинили боль, но по каким-то причинам ты не смог потребовать от своих обидчиков, чтобы они прекратили так себя вести.

Обиду иногда называют детским чувством. Это вовсе не означает, будто обижаться могут одни лишь дети. Просто именно ребенок в общении с родителями очень часто сталкивается с невозможностью высказать им свои требования и вынужден подавлять вспыхнувшие эмоции, так как уже знает из печального опыта, что ничем хорошим их открытое выражение для него не кончится.

Какие же эмоции приходится сдерживать ребенку в общении с папой, мамой, бабушкой? Конечно, это злость, раздражение, досада, гнев. Ребенок, как любое другое живое существо, время от времени испытывает их. Но любая попытка выразить их в адрес родителей обычно пресекается, и порой очень жестко.

Отсюда еще одно определение — упакованная злость. По сути, обида — это сложная эмоция, состоящая из двух более простых компонентов: жалости к себе и злости на обидчика. Возникает она там, где человек вопреки своему желанию был вынужден остановить эту злость, «упаковать» ее, не дал ей выплеснуться на того, кто причинил боль.

КАК ЭТО НИ СТРАННО, У ОБИДЫ ЕСТЬ И ВПОЛНЕ КОНСТРУКТИВНЫЕ ФУНКЦИИ, ПОЗВОЛЯЮЩИЕ СВЕСТИ К МИНИМУМУ ОПАСНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ БЛИЗКИМИ ЛЮДЬМИ.

Ведь острее всего мы переживаем причиненную боль и несправедливость от тех, чьим отношением дорожим, кого не хотели бы терять. Если отношения с ранившим наши чувства человеком для нас не слишком важны, мы обычно даем достойный отпор, защищаемся или атакуем — соответственно возникшей угрозе. Совсем

другая ситуация складывается, когда душевную рану наносит человек, с которым не хотелось бы ссориться. Тогда вспыхнувшую агрессию приходится подавлять и какое-то время жить с этой «упакованной» злостью, пока чувства хотя бы немного успокоятся и появится возможность рассказать о них без крика и битья посуды.

Стараясь уберечь отношения от разрыва, мы отказываемся от немедленной самозащиты. Но при этом нам все равно больно, обидно и очень жаль себя. Этот горький коктейль из подавленной злости и жалости к себе проявляется на телесном уровне вполне определенным образом. Обида легко читается на лице человека по дрожащим губам, глазам, полным боли и разочарования, порывистым движениям. Или же — если в реакции преобладает не жалость к себе, а злость на обидчика — по плотно сжатым челюстям, поджатым губам, остановившемуся взгляду.

Такая спонтанно вспыхнувшая обида является одновременно тормозом для ответной агрессии у обиженного и важным социальным сигналом для обидчика, по которому он легко может определить, что его слова или поступки причинили боль и нужно срочно исправлять положение. Но так происходит лишь в случае, когда оба участника конфликта заинтересованы в продолжении отношений и обладают определенной степенью эмоциональной зрелости, позволяющей им не «застревать» на этой фазе. Тогда, как только боль от обиды чуть-чуть утихнет, у обиженного появляется возможность предъявить ее партнеру, рассказать о своих чувствах. А у обидчика — проявить сострадание, пожалеть, попросить прощения. В такой ситуации обида действует подобно маяку, который в штормовую ночь своим огнем сигналит капитану: будь осторожен, твой корабль сбился с курса и прямиком идет на скалы.

Таковы функции обиды в норме, когда речь идет об отношениях эмоционально зрелых людей, не склонных к манипуляциям. Но бывает и так, что вполне себе взрослые люди привыкли заявлять о любой своей потребности лишь таким «детским» способом, через обиду. И тогда поджатые губы и остановившийся взгляд могут превратиться в мощнейший инструмент воздействия на партнера, в эмоциональные «пыточные клещи», которыми такие неповзрослевшие дети постоянно

будут вытягивать друг из друга все что угодно — от уверений в любви и верности до поездки на курорт или покупки нового автомобиля.
И тогда можно говорить о том, что обида у человека перешла в форму страсти. В христианском понимании страсть — это некое свойство человеческой природы, которое изначально было добрым и полезным, но впоследствии оказалось изуродовано неправильным употреблением до неузнаваемости и превратилось в опасную болезнь.
Из разумного способа удержать вспыхнувшую злость и показать обидчику, что он причиняет тебе страдание, обида так же может превратиться в свою страстную, больную форму. Это происходит, когда человек надолго «застревает» в своей обиде и начинает даже получать от нее некоторое парадоксальное удовольствие. В православной традиции такая страсть называется памятозлобием. Преподобный Иоанн Лествичник нашел очень выразительный образ для ее описания: «…гвоздь, вонзенный в душу, неприятное чувство, в огорчении с услаждением любимое».

ОБИДА — МЕХАНИЗМ СДЕРЖИВАНИЯ ЗЛОСТИ И СИГНАЛИЗАЦИИ ПАРТНЕРУ О ПРИЧИНЕННОЙ НАМ БОЛИ. НО В ЭТОМ КАЧЕСТВЕ ОНА «РАБОТАЕТ», ТОЛЬКО КОГДА РЕЧЬ ИДЕТ О ЛЮДЯХ С ПРИМЕРНО ОДИНАКОВЫМ ОПЫТОМ ПОНИМАНИЯ ЧУВСТВ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА.

Что же происходит, когда у участников конфликта этот опыт неравный, как, например, у мамы и ее пятилетнего сына? Для удобства понимания рассмотрим эту ситуацию по частям.
Вопрос первый: может ли мама разозлиться на своего ребенка? Да запросто! Она — живой человек и способна испытывать чувство злости, например, когда ребенок не в меру шалит, перестает слушаться, не хочет убирать за собой игрушки. Это только в детских книжках и мультфильмах мамы всегда добрые, ласковые, все понимающие и бесконечно терпеливые. В реальной жизни у любой мамы «злящих» ситуаций может быть сколько угодно. Даже самые безобидные вещи могут разозлить, если она очень устала, если много ночей не высыпалась или просто чувствует себя нездоровой.

Вопрос второй: станет ли такая рассерженная мама проявлять агрессию в адрес своего ребенка? Тут возможны разные варианты. Но все же, насколько хватает сил, любая мама старается сдерживать себя в таких ситуациях, и причины этому, наверное, объяснять не надо.
Вопрос третий: как называется чувство, возникающее, когда едва вспыхнувшая злость тут же подавляется и «упаковывается», не находя себе выхода в агрессивном поведении? Правильно, это она и есть — обида. Со стиснутыми челюстями, поджатыми губами и остановившимся взглядом, устремленным в никуда.
И вот теперь пришло время для четвертого, самого главного вопроса: а может ли пятилетний ребенок правильно «прочитать» эти знаки обиды на лице у мамы и понять, что ей сейчас больно и плохо, что маму нужно пожалеть и поддержать? Со всей определенностью можно сказать, что в этом возрасте ребенок еще не умеет столь тонко распознавать чувства других людей. Он пока не способен, увидев изменившееся мамино лицо, тут же сказать: «Мамочка, дорогая, кажется, я что-то сделал не так. Скажи, что тебя расстроило?» Скорее всего, он вообще не заметит этой перемены и продолжит вести себя далее как ни в чем не бывало.
Из этого следует очень важный вывод. В отношениях с ребенком сигнальная функция обиды не работает. Не потому, что он такой жестокий и бессердечный. А потому, что он — маленький и пока еще плохо умеет понимать чувства, как чужие, так и свои собственные. В этой ситуации обида может выполнить свои задачи лишь наполовину: она помогает маме сдерживать свою злость и не выплескивать ее на ничего не понимающего ребенка. А вот сообщить ему о своих чувствах придется, что называется, открытым текстом. Без ожидания от него чудес проницательности, несвойственных его возрасту.
Казалось бы, чего проще — сказать сыну или дочери о том, что ты сейчас чувствуешь. Однако и тут есть правило, без которого такой разговор, скорее всего, ни к чему не приведет. Правило заключается в следующем:

ГОВОРИТЬ НУЖНО ЛИШЬ О СЕБЕ И О СВОИХ ЧУВСТВАХ, НЕ ПЕРЕКЛАДЫВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НИХ НА РЕБЕНКА.

Например, вместо «вот видишь, до чего ты меня довел!», сказать: «Мне сейчас очень грустно и хочется плакать. Я так не люблю, когда мы с тобой ссоримся». Таким построением фраз мама помогает малышу не только научиться понимать ее чувства, но также и говорить о своих переживаниях, делиться ими. Ведь зачастую ребенок вредничает лишь потому, что не умеет правильно выразить, что он сейчас чувствует, что его огорчает или злит.
Конечно, речь здесь не идет о том, чтобы потакать детям в любых их капризах. Без разумных ограничений воспитание невозможно. Но в случае с обидой на ребенка маме в первую очередь нужно научиться справляться со своими эмоциями. И серьезным подспорьем в этом может стать еще одно правило:

НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОБИДУ НА РЕБЕНКА КАК «ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ».

Так происходит, когда мама удерживает свою обиду на длительное время, всячески ее демонстрируя с целью вызвать у ребенка чувство вины и раскаяния. Увы, ничего хорошего из такого «воспитания» не получится. Ребенок не понимает причин такого ее поведения, он лишь видит, что мама его больше не любит, не хочет с ним разговаривать и играть. Такое лишение материнской любви для него — катастрофа. Сколько бы он ни вредничал перед этим, мама для него все равно самый главный человек в мире, она сама — этот мир, а ее забота и любовь — жизненная сила, без которой ребенок просто погибнет.

Глядя на окаменевшее мамино лицо, на поджатые губы, слыша ее холодное «уйди, я не хочу с тобой разговаривать», он видит лишь, что мама его отвергла. Его маленький мир рушится, он испытывает ужас от надвигающейся гибели и понимает лишь одно: чтобы уцелеть, нужно любой ценой вымолить у мамы прощение. Никакой связи происходящего с недавним конфликтом из-за разбросанных игрушек или несъеденной каши ребенок, конечно же, не видит. Ему просто не до этого, он напуган и подавлен. В его всхлипывающем «мамочка, прости» лишь просьба вернуть любовь, жизнь и мир, которых он лишился в одночасье. И когда мама спрашивает все тем же ледяным тоном: «за что тебя простить?», он совсем теряется, потому что у него нет ответа. А маму это еще больше сердит, она считает его поведение неискренним и продолжает наказывать провинившегося ребенка своей затянувшейся обидой. Потом она, конечно же, его простит, обнимет, потреплет по голове и скажет: «Ну что, теперь ты понял, что так делать нельзя?» И заплаканный ребенок послушно кивнет, прижимаясь

к теплой маминой руке. Но вместо назидательного урока он вынесет из этой истории лишь опыт отвержения.

Теперь он знает, что мама в любой момент может лишить его своей любви и что это очень больно. Мир перестает быть для него безопасным в самой сердцевине его детского бытия — в отношениях с мамой. Жить в таком небезопасном мире становится страшно. И чем чаще мама будет прибегать к таким «воспитательным мерам», тем меньше будет у нее шансов достичь желаемого результата. Дело в том, что при повторяющихся болезненных ситуациях детская психика просто снижает чувствительность к ним, чтобы не разрушиться от боли и ужаса. Но выборочно ослабить одно лишь чувство боли невозможно. Поэтому у ребенка снижается общая способность к переживанию любых чувств. Его душа замерзает, подобно сердцу Кая из сказки про Снежную Королеву. Радость он тоже будет переживать «вполсилы», а вместе со своей болью перестает чувствовать и чужую.

Но самым разрушительным последствием такого «воспитания» становится для ребенка убежденность в том, что любовь нужно заслужить, что любят лишь хороших, не совершающих ошибок, делающих все и всегда только правильно. С точки зрения христианства это совершенно неверный взгляд. Бог говорит, что любовь дается не по заслугам принимающего, а по благости дающего: *...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? (Мф 5:44–46).*

Да, мама может разозлиться на своего ребенка по немощи. Да, она способна тут же «упаковать» свою злость в обиду, чтобы не испугать ребенка во время ссоры. Но осознанно использовать эту обиду как способ воспитания нет никакого смысла. Да и слишком уж дорого этот способ потом обойдется и ребенку, и матери.

Причин, заставляющих маму обижаться на своего ребенка, может быть сколько угодно. И каждая из них для нее важна, сколь бы незначительной она ни казалась со стороны. Ведь это — ее жизнь, ее боль и слезы, ее руки, опущенные от бессилия. Упрекать ее за такую

обиду — значит лишить остатков уверенности в своей материнской состоятельности, нагрузить ее новой порцией вины и сознания собственной никчемности.
Однако есть одна общая причина, которая лежит в основе множества частных обид подобного рода. Зная о ней, мамочкам будет проще справляться со своими чувствами в сложных ситуациях с ребенком. Дело в том, что первые месяцы и годы жизни ребенка мать проводит с ним в почти полном эмоциональном слиянии. После девяти месяцев беременности, когда оба их сердца бились в ее теле и на двоих было одно ее дыхание, мама еще долго будет воспринимать ребенка как часть себя самой. Она будет чувствовать его эмоции и желания как свои собственные, по оттенкам его плача она точно знает, болит ли у него животик, проголодался ли он, или ему просто надоело лежать в мокрых пеленках. Эта материнская сверхчувствительность нужна ей для того, чтобы понимать потребности младенца, о которых он еще не умеет сказать словами.
Но когда этот период естественного слияния заканчивается и примерно в три года у ребенка наступает первый серьезный кризис отделения от матери, ей бывает очень непросто выйти из этих привычных отношений. Именно здесь и появляется та самая основа для разнообразных обид на ребенка.

ПОСЛЕ ДЛИТЕЛЬНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СЛИЯНИЯ МАМА НЕОСОЗНАННО МОЖЕТ ВОСПРИНИМАТЬ СВОЕГО РЕБЕНКА КАК РАВНОГО СЕБЕ. А ОТСЮДА ДО ОБИДЫ ПО ЛЮБОМУ ПОВОДУ — РУКОЙ ПОДАТЬ.

«Почему он злится и кричит на меня, а я должна в ответ молчать и улыбаться? Почему он вредничает на прогулке, а я должна это терпеть и не вредничать в ответ? Вообще, почему я ему все время что-то должна, а он мне ничего не должен?»
Проще говоря, обида появляется у мамы именно там, где она либо воспринимает ребенка как равного себе взрослого, либо сама эмоционально «проваливается» в детство и видит себя маленькой беззащитной девочкой, которую обижает этот злой мальчишка, которого почему-то все называют ее сыном. И если научиться видеть

эти свои «провалы» в мнимое равенство с ребенком, то обид будет в разы меньше, а переживать их станет намного проще. Каких-то хитрых психологических техник тут нет. Достаточно просто знать о такой опасности и не обманывать себя, когда разум говорит: «вот, сейчас ты снова поставила себя с малышом на одну доску. Будь осторожна, обида бродит где-то рядом».

Остальное — дело навыка. Остановив себя подобным образом хотя бы однажды, мама получает новый опыт, на который потом сможет опираться уже с большей уверенностью. Ребенок не равен взрослому, он пока еще лишь формируется как личность. И на этом пути его и маму ждут порой очень неожиданные открытия.

Например, бывают ситуации, когда дети словно бы проверяют родителей на прочность своими выходками. Но и в этом случае у них вполне определенная задача — проверить, до каких пределов простирается наша любовь к ним. Готовы ли мы любить их такими? А вот такими? Или даже такими вот?

И взрослость родителей проявляется здесь как раз в способности, не разрушаясь, воспринять детский гнев, обиду, оскорбления и дать обратную связь, в которой не будет таких же чувств, а будет ясно считываемый ответ: да, я люблю тебя даже такого, я готов быть с тобой рядом и поддержать тебя, помочь тебе. Такое поведение очень успокаивает детей, потому что это — поведение сильного, старшего. Того, на кого можно опереться, кто выдерживает то, чего еще не научились выдерживать дети.

Заповедь о почитании родителей в Ветхом Завете — очень серьезный закон. Об этом можно судить хотя бы по тому, что ее нарушителей закон Моисеев предписывал побивать камнями: *Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти (Исх 21:17)*. Однако заповедь эта носит не просто родовой или бытовой характер. Дело в том, что народ Израиля представлял собой прежде всего религиозное сообщество. А отец и мать в этом сообществе были для человека самыми первыми учителями закона. Они первыми рассказывали ему о Боге, о том, как праведно жить перед Ним на земле, учили различать добро и зло. Тот, кто не почитал родителей-учителей, не почитал и сам закон. Отвергающие же закон отвергали и Бога, а значит, становились людьми ни к чему не годными, которым в древнем мире не было места среди живых.

Такова внутренняя логика этой заповеди, в которой безусловно предполагалось, что отец и мать будут словом, делом и собственным примером наставлять своих детей в праведной жизни.

В коллажах использованы иллюстрации Екатерины Ройз

ВЕРА

Митрополит Антоний (Паканич), управляющий делами Украинской Православной Церкви:

Наша Церковь не хочет быть «антироссийской», так же как и «антигреческой». Она должна быть Церковью Христовой.

Как на действия Константинопольского Патриархата смотрят изнутри Украинской Православной Церкви? Как относятся там к идее автокефалии и каких последствий от решений Фанара опасаются больше всего? Об этом мы говорим с управляющим делами Украинской Православной Церкви, митрополитом Бориспольским и Броварским Антонием (Паканичем).*

— Владыка, может ли случиться, что большинство Поместных Церквей поддержат Константинопольского Патриарха в его действиях? Может ли измениться позиция священноначалия Украинской Православной Церкви в таком случае?

— Поместные Православные Церкви очень обеспокоены теми событиями, которые происходят сейчас в Украине. Насколько нам

известно, они не поддерживают действия Константинопольского Патриархата. Кто-то из Предстоятелей возмущен, кто-то опечален. И это понятно — подобными действиями Фанара компрометируется все Православие на международной арене. Кроме того, епископат Поместных Православных Церквей обеспокоен также и тем, что действиями Константинопольского Патриархата рушится вся каноническая система Православной Церкви. Ведь снятие в одностороннем порядке Константинопольским Патриархом анафемы с раскольнического «патриарха» Филарета — это очень опасный прецедент. На основании такого примера и в прочих Поместных Церквах могут появиться свои раскольники, которые будут разрушать церковное единство с уверенностью, что их также в свое время сможет признать священноначалие другой Церкви. И если, например, клирик той или иной Церкви за какие-либо нарушения будет запрещен в своей Церкви, он сможет без труда перейти в юрисдикцию другой Поместной Церкви и там быть восстановленным. Но ведь это неканонично, это незаконно. Мы знаем, что даже если священник наложил епитимию на мирянина, то разрешить ее вправе только тот же священник, и никто другой. Вот в чем заключается опасность действий Константинопольского Патриархата. И поэтому я не верю, что другие Поместные Православные Церкви могут поддержать действия Константинополя. Позиция же нашего священноначалия при таких обстоятельствах не изменится. И мы стоим на своих позициях не просто потому, что так хотим, но потому что только такая позиция соответствует каноническому праву и порядку Церкви.

— «Если бы автокефалию просил митрополит Онуфрий, то все согласились бы без лишних вопросов», — так говорят представители некоторых Поместных Церквей. «Если бы Московский Патриархат даровал полную автокефалию Украинской Церкви раньше, то Константинополю не пришлось бы вмешиваться…» — подобные суждения звучат довольно часто. Так почему же Украинская Православная Церковь не просила автокефалию ни ранее, ни сейчас? Почему не перехватили инициативу?

— Вопрос автокефалии очень сложен прежде всего потому, что в Украине сама эта идея скомпрометирована, во-первых, расколом, во-вторых, вмешательством государства и попыткой использования автокефалии как инструмента в государственной идеологии.

Именно поэтому среди верующих нашей Церкви остается настороженное отношение к автокефалии. Я не вижу в нашей Церкви большинства, которое поддерживало бы автокефальное устройство.

Например, верующие и духовенство южных и восточных епархий нашей Церкви открыто высказываются против автокефалии. Подобные взгляды широко распространены и в других регионах Украины. Кроме того, ведь уже существует согласованная всеми Поместными Церквами, если можно так выразиться, формула предоставления автокефалии. Фундаментом является внутреннее единство по этому вопросу той Церкви, которая стремится получить этот статус. Потом такое желание утверждается Церковью-Матерью, которой для нас является Русская Православная Церковь, а после — это согласовывается с прочими Поместными Православными Церквами.

Константинопольский же вариант предоставления автокефалии для нас неприемлем. Данный вариант навязывает нам автокефалию, а из истории других Церквей мы знаем, что автокефалия не навязывалась — это был порыв, желание всей Церкви, не допускавшее появления внутренних расколов по этому вопросу. В нашей же ситуации при навязывании автокефалии извне в самой Церкви обязательно появятся группы противников такой автокефалии — и в результате будет еще один раскол. Мы не хотим разрывать отношения с Русской Православной Церковью, с которой нас связывают многовековые исторические узы. Мы не воспринимаем не саму идею автокефалии, но мы против так называемой «антироссийской» автокефалии. Потому что та автокефалия, которую нам навязывают сейчас, — это не что иное, как еще один элемент борьбы с Россией и с Русской Церковью. Наша Церковь не хочет быть «антироссийской», так же как и «антигреческой». Она должна быть Церковью Христовой.

— Патриарх Варфоломей заявил, что его привилегии абсолютно законны, а потому Русской Православной Церкви придется подчиниться решениям по Украине. Так ли это?

— В заявлении Священного Синода Русской Православной Церкви от 15 октября этого года очень четко сказано: «Присвоение себе полномочий отмены судебных и иных решений других Поместных Православных Церквей — лишь одно из проявлений нового ложного учения, провозглашаемого ныне Константинопольской Церковью и приписывающего Патриарху Константинопольскому права “первого без равных” (primus sine paribus) со вселенской юрисдикцией. Такое видение Константинопольским Патриархатом собственных прав и полномочий вступает в непреодолимое противоречие с многовековой канонической традицией, на которой зиждется бытие Русской Православной Церкви и других Поместных Церквей». Кроме того, согласно указанному заявлению, «попытка Константинопольской Патриархии решать судьбу Украинской Православной Церкви без ее

согласия является антиканоническим посягательством на чужие церковные уделы… Лицемерно оправдываясь стремлением к восстановлению единства украинского Православия, Константинопольская Патриархия своими безрассудными и политически мотивированными решениями вносит еще большее разделение и усугубляет страдания канонической Православной Церкви Украины».

Нас удивляет то, что Константинопольский Патриархат действует так, как будто Украинской Православной Церкви просто не существует. Священноначалие Константинопольской Церкви общается с представителями государственной власти, общается с раскольниками, но при этом не общается с Церковью канонической. Такие действия не приведут к единству.

— Выходит, что «упасть» может даже патриарх? К чему могут привести действия Фанара в Украине и на мировом уровне?

— Интересный факт, что именно Константинопольские Патриархи и Константинопольская Церковь на протяжении истории чаще всех других Церквей уклонялись в ересь. Вспомним Патриарха Македония, который отрицал Божество Святого Духа и был осужден на Втором Вселенском соборе в 381 году. Вспомним Патриарха Нестория, который был родоначальником несторианской ереси и был осужден на Третьем Вселенском соборе в 431 году. Вспомним, как Константинопольский Патриархат подписал Лионскую унию с Римом в 1274 году и Феррaро-Флорентийскую унию в 1439 году. То есть больше всего отступлений от Церкви и чистоты веры было как раз у Константинопольского Патриархата. Я не припоминаю из истории других Поместных Православных Церквей так много падений. Это исторический факт. И конечно же, действия Фанара в Украине приводят к тому, что Православная Церковь оказалась в глубоком кризисе. Когда я говорю Православная Церковь, имею в виду вообще всё мировое Православие. Потому что рушится канонический порядок.

— При каких условиях возможно начало диалога между Украинской Православной Церковью и Константинопольским

Патриархатом? Можно ли еще исправить ситуацию?

— Проблема не в Украинской Православной Церкви, которая готова к диалогу, а в Константинопольском Патриархате, который в одностороннем порядке упрямо идет к своей неблагородной цели. Именно Константинопольский Патриархат принял свое решение и упрямо воплощает его в жизнь, заставляя смириться с этим все Поместные Церкви и прежде всего Русскую. Все наши попытки диалога, поездки в Стамбул, общение с Патриархом Варфоломеем, а также встреча Святейшего Патриарха Кирилла с Константинопольским Патриархом не увенчались успехом. То есть мы видим, что именно со стороны Фанара нет расположения к диалогу.

Наша Церковь не просто готова к диалогу, мы считаем, что исправить сложившуюся ситуацию можно только посредством диалога и компромиссного решения. Однако, судя по всему, Константинополь хочет просто завести ситуацию в тупик, совершив задуманное, а потом уже ставить всех перед фактом и заставить смириться с этим. К сожалению, эти действия можно охарактеризовать как действия церковных политиков, но не людей Церкви.

— В начале XXI века мы пришли к тому, что многие люди, даже воцерковленные, имеют очень размытое понимание устройства Церкви, ее жизни… Почему для некоторых, даже весьма известных, публичных церковных людей, решения одного из высших органов управления Церковью — Священного Синода — не являются авторитетными, люди готовы с этими решениями спорить и даже не принимать их?

— По моему мнению, существующий в церковной среде либерализм, который выражается в том числе в сомнении и готовности не подчиняться решениям Церкви, свидетельствует о недостаточной церковности тех людей, которые облечены священническим или даже архиерейским саном. Человек Церкви — это человек, который переживает о Церкви как о своей матери. Мне кажется, что наши церковные либералы — как среди священников, так и среди архиереев — не чувствуют Церковь потому, что они ею не живут. Они хотят нравиться обществу. Хотят, чтобы общество им аплодировало,

одобряло их либеральные, а иногда и антицерковные взгляды. Но общество, «лежащее во зле», враждебно Церкви. Такие священнослужители, к сожалению, становятся чужими для Церкви и никогда не станут своими для общества, для людей внешних, не церковных.

Мы же, люди Церкви, ориентируемся на наших верующих, на наших прихожан. Мы общаемся с ними и видим, как думают люди внутри Церкви. Разномыслие в Церкви является нормальным, но только до тех пор, пока оно не выходит за рамки канонов, пока не нарушает единство Церкви. Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные, — говорит святой апостол Павел в послании к Коринфянам (1 Кор 11:19). Однако все разномыслия должны решаться соборно. Никто не может ставить свое мнение выше соборного разума Церкви.

— Для многих верующих острым стал вопрос посещения Афона. Совсем недавно мы праздновали 1000-летие присутствия древнерусского монашества на Святой Горе. Как быть православным паломникам теперь?

— Наша Церковь приостановила евхаристическое общение с Константинопольским Патриархатом, но не приостановила общения молитвенного. Это означает, что на Святую Гору Афон можно приезжать, можно молиться в монастырях Святой Горы и поклоняться ее святыням. Нам известно, что большинство игуменов святогорских монастырей не согласны с антиканоническими решениями Фанара. В некоторых обителях — кстати, греческих — за вечерним и утренним богослужением в мирной ектении включено особое прошение: «о Блаженнейшем Митрополите Онуфрии со страждущею паствою». Мы очень благодарны святогорцам за их братскую любовь и молитвы.

— Почему вообще верующим не все равно, в какой храм ходить?

— Церковь — это плод жертвы Господа нашего Иисуса Христа, которую Он принес на Кресте для спасения каждого человека. Преданность вере и Церкви Христовой — это залог нашего спасения.

Но так как Христос — один, точно так же и Церковь, как Тело Христово, может быть только одна и едина. И только в этой единственной Церкви может существовать благодать как спасительное действие Святого Духа, направленное на освящение человека. Мы знаем, что в нашей Церкви есть спасение, есть благодать. А в так называемом «Киевском патриархате» и других раскольнических группировках благодати нет, ведь эти «собрания», некогда отделившись от церковного единства, отлучили себя от Тела Христова.

— Растет информационное давление на Украинскую Православную Церковь, а в Западной Украине уже несколько лет это сопровождается вполне реальными гонениями — у Церкви отобрано около 50 храмов. Звучат угрозы более масштабных захватов по всей стране. Каков алгоритм действий православных верующих в таком случае? О чем нужно помнить? Чего бояться?

— Верующий человек боится прежде всего Бога. Внешние сложности только обостряют религиозное чувство. Для нас важно не смалодушествовать и не отпасть от Бога. Церковь — это корабль, на котором мы преодолеваем различные глубины и рифы, укрываемся от бурь и треволнений, и каждый член команды знает, что нужно делать в той или иной ситуации. Но главное — вся корабельная команда всецело доверяет своему капитану. У Украинской Православной Церкви есть надежный и опытный капитан — это Блаженнейший митрополит Онуфрий. Поэтому верные чада нашей Церкви должны ориентироваться на него.

Конечно, свои храмы мы будем отстаивать. Однако, если отстаивать храм будет уже невозможно, надо помнить, что для нас важны не сами стены храма, а люди. Тогда надо выходить и строить новый храм.

Для нас важнее сохранение церковной общины, чтобы люди могли беспрепятственно приступать к таинствам Христовым и посредством них соединяться с Богом. От общины же, в свою очередь, требуется, чтобы она сохраняла верность Господу Иисусу Христу, верность канонической Церкви и ее священноначалию. Раскол останется расколом, а Церковь останется Церковью. Благодатью наполняет храмы Сам Господь, а потому даже если мы будем молиться в

землянках и катакомбах, мы верим в то, что Бог будет с нами. Именно поэтому мы не должны ничего бояться, потому что с нами — Бог.

— В случае силовых захватов храмов какие методы отстаивания приходов являются наиболее приемлемыми?

— Конфликтные ситуации вокруг храмов хотелось бы разрешать, апеллируя к закону и используя прежде всего законные методы. Однако наши люди, православные, церковные люди, будут защищать свои храмы, если у них не будет надежды на закон. Если же это не будет удаваться, то надо положиться на Промысл Божий.

Четыре года назад, когда была первая попытка захвата нашей Лавры, мы помним, какая была напряженная ситуация. Я тогда только что избранному Местоблюстителю, митрополиту Онуфрию, сказал: «Владыка, похоже, что Лавру заберут». А он спокойно, с глубокой верой в Промысл Божий мне ответил: «Владыка, будем всё делать,

чтобы этого не произошло, но если Господь попустит, то мы с тобой будем молиться за оградой Лавры. Там также есть Бог».

Для нас главное — это не стены, а смирение и стойкость человека. Свидетельством этого является готовность членов соответствующей православной общины, невзирая на угрозы, не отступать от своей веры. Смиренный человек не воюет со своим ближним, он всю свою надежду полагает на Бога. И Господь помогает, ведь смиренные находятся под особенным покровительством Божиим.

— Что делать верующим для того, чтобы Церковь не ассоциировалась в сознании людей только лишь с политическими «баталиями», «дележом» канонической территории, храмов?..

— Подобные ассоциации могут возникнуть в сознании только тех людей, которые по большому счету находятся вне Церкви и узнают о жизни Церкви не изнутри, а извне, например, из СМИ.

Каждый, кто называет себя православным христианином и переживает о будущем Церкви, независимо от рода занятий и положения в обществе, в первую очередь должен сам быть церковным человеком. Святой апостол Павел пишет: Каждый оставайся в том звании, в котором призван (1 Кор 7:20). И в другом месте тот же апостол замечает, что для полноценного функционирования Церкви Христовой Ее Глава, Господь наш Иисус Христос поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова (Еф 4:11—12). Поэтому все мы, занимая ту или иную нишу в обществе, должны прежде всего, будучи на своем месте, заботиться о своем спасении и делать все, чтобы наша жизнь стала проповедью Истины Христовой.

Материал подготовлен редакцией журнала «Фома в Украине».

Фотографии Всеукраинского крестного хода мира, любви и молитвы за Украину

** Фанар — район Стамбула (Турция), в котором находится резиденция Константинопольского Патриарха, построенная на деньги русского царя Федора Иоанновича в 1601 году. В СМИ зачастую название Фанар употребляется как синоним официальной церковной власти Константинополя. — Ред.*

Что решил Собор епископов Украинской Православной Церкви

13 ноября 2018 года собор епископов Украинской Православной Церкви, заслушав Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Онуфрия о вызовах, которые возникли в последнее время перед Украинской Православной Церковью, принял следующее постановление:

1. Украинская Православная Церковь, которая является канонической и признанной Поместными Православными Церквами, совершая свое служение Богу и народу Украины, принципиально поддерживает независимость и территориальную целостность Украины. Украинская Православная Церковь присутствует во всех регионах Украины и объединяет как подконтрольные, так и неподконтрольные украинской

власти территории, переживая вместе со своим народом все радости и страдания.

2. Украинская Православная Церковь наделена всеми правами независимости и самостоятельности, которые сегодня необходимы для плодотворного служения Богу и народу Украины.

3. Украинская Православная Церковь всегда последовательно выступала за исцеление раскола, за восстановление церковного единства, то есть за единую Церковь. Однако восстановление единства Украинского Православия не должно означать превращение Церкви в элемент политики или пропаганды, поскольку это противоречит природе Церкви. Убеждены, что преодоление церковного разделения должно происходить без вмешательства государственных, политических и других внешних сил.

4. Собор епископов выступает против любых попыток изменить название Украинской Православной Церкви, о чем уже декларируется первыми лицами государства, и других проявлений дискриминации верующих Украинской Православной Церкви на законодательном уровне. В случае принятия соответствующих законопроектов Верховной Радой Украины Украинская Православная Церковь будет защищать свои права всеми законными средствами, которые предусмотрены «Основами социальной концепции Украинской Православной Церкви», законодательством Украины и Европейской Конвенцией по правам человека.

5. Собор епископов Украинской Православной Церкви считает, что решения Священного Синода Константинопольского Патриархата от 11 октября 2018 года относительно украинского церковного вопроса являются недействительными и такими, которые не имеют никакой канонической силы. В частности, решение об установлении юрисдикции Константинопольского Патриархата на территории Украины является следствием спекулятивного трактования церковной истории. А решение о снятии анафемы и других церковных запретов с лидеров раскола и признание действительности псевдохиротоний,

которые были совершены ими во время пребывания в расколе, является следствием искаженного толкования православных канонов. История Православной Церкви не знает случаев преодоления раскола путем его простой легализации. Приняв такие антиканонические решения, признав раскольников в сущем сане, Константинопольский Патриархат, согласно церковным правилам, сам стал на путь раскола. В связи с этим евхаристическое общение Украинской Православной Церкви с Константинопольским Патриархатом в настоящее время невозможно и прекращается.

6. Считаем недопустимым незаконное вмешательство Константинопольского Патриархата во внутренние дела другой Поместной Церкви и попытки решать украинский церковный вопрос с участием государственной власти и раскольников, игнорируя голос канонической Украинской Православной Церкви. Вместо этого с сожалением констатируем, что сотни тысяч обращений верующих нашей Церкви к Патриарху Варфоломею с призывом не узаконивать раскол под предлогом создания автокефалии так и остались без внимания.

7. Собор епископов отмечает, что процесс предоставления так называемого Томоса об автокефалии является искусственным, навязанным извне, не отражает внутренней церковной необходимости, не принесет реального церковного единства, углубит разделение и усилит конфликты среди народа Украины. При таких условиях участие епископата, духовенства и мирян Украинской Православной Церкви в этих процессах считаем невозможным.

8. Украинская Православная Церковь принципиально придерживается канонического подхода к преодолению церковного разделения. В основе этого подхода лежит необходимость покаяния тех, кто возвращается из раскола. Двери Церкви никогда не закрывались перед тем, кто хочет быть духовно совершенным православным христианином.

9. Собор епископов констатирует, что незаконные действия Константинопольского Патриархата приводят к глубокому церковному кризису как в Украине, так и в мировом Православии. Молимся, чтобы голос многомиллионной паствы Украинской Православной Церкви был услышан, а совершенные до сих пор Константинопольским Патриархатом действия были исправлены.

10. Собор епископов призывает Константинопольский Патриархат к диалогу с Украинской Православной Церковью с братским участием всех Поместных Православных Церквей с целью соборного решения этой проблемы.

11. Собор епископов просит Предстоятеля Украинской Православной Церкви Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины Онуфрия обратиться к Предстоятелям Поместных Православных Церквей по поводу кризисной ситуации, сложившейся в церковной жизни Украины в результате незаконного вмешательства Константинопольского Патриархата.

12. Собор епископов призывает всех чад Украинской Православной Церкви усилить молитвы, сохранять единство между собой и верность Святой Христовой Церкви и не бояться возможных испытаний, помня слова Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа: *«Мужайтесь, ибо Я победил мир» (Ин 16:33).*

Я пытался поговорить с патриархом Варфоломеем от сердца к сердцу

Трагедия Украины, религиозных разделений на Украине выходит за границы политического поля, имея, я бы сказал, мистическое измерение. Именно так мы должны смотреть на случившееся. Но если говорить о том, что произошло совсем недавно, то мы видим грозный знак того, что раскол перешел границы Украины.
Константинопольский Патриарх, нарушая все каноны, которые регулируют отношения между Церквами, вторгается на нашу землю, в нашу Церковь, заявляет о своем праве вторгаться, не имея на то никаких оснований в священных канонах. Это новация последних десятилетий. Это новация, которая приписывает Константинополю полномочия, которых он не имел и не мог иметь по определению.
Мы, как и все, кто занимается такого рода проблемами, знаем историю, знаем, чем был Константинопольский Патриарх. И мы понимаем,

почему у него было некое влияние на другие Церкви. Дело в том, что Патриарх был рядом с византийским императором, который управлял всей ойкуменой — отсюда и слово «экуменический», — то есть населенным цивилизованным миром, пребывавшим в орбите греко-римского влияния. Конечно, Патриарх, находившийся рядом с императором и очень часто имевший с ним очень тесные отношения, оказывал на других если не каноническое — такого не было никогда, — но моральное и политическое влияние.

Но в то время строго соблюдались каноны, и ни один Константинопольский Патриарх не вмешивался в юрисдикцию другого Патриарха, это было строго ограничено. И когда нам сегодня говорят, что Константинополь имеет право принимать апелляции из других Церквей и судить, ссылаясь при этом на каноны IV Вселенского Собора, то это просто обман. Канон ясно говорит, что Константинопольский Патриарх имеет право принимать апелляции только по отношению к митрополитам, входящим в его юрисдикцию. Существует знаменитое каноническое произведение «Пидалион», в котором даны комментарии на все каноны. «Пидалион» очень уважается и почитается в православном мире (особенно в греческом мире к этому документу до недавнего времени было особое отношение); считается, что эти комментарии имеют основополагающее значение. Так вот, «Пидалион» расшифровывает данный канон и говорит, что Константинопольский Патриарх имеет право принимать апелляции и судить только митрополитов, входящих в его Патриархат, а дальше перечисляется: это не имеет отношения к Александрии, потому что александрийских митрополитов судит Александрийский Патриарх, Антиохии — потому что антиохийских судит Антиохийский Патриархат и т. д. То есть применительно к нашему времени Константинопольский Патриарх не имеет никаких канонических полномочий и разрешений принимать апелляции от митрополитов других Поместных Православных Церквей.

Ну, а если Предстоятель Церкви грубо нарушает каноны, причем в контексте, не касающемся его собственной личности, его окружения, его клира, и вторгается в жизнь других Поместных Православных Церквей, то как на это реагировать? Если мы промолчим — мы создаем прецедент. А ведь, собственно говоря, разделение Рима и

Константинополя и началось с того, что создавались прецеденты: кто-то на что-то закрывал глаза, кто-то из-за лести говорил что-то лишнее в адрес римского епископа, а потом, когда дело дошло до серьезного конфликта, в Риме стали удивляться: «вы-то что восстаете против? вы же все время соглашались и дифирамбы в наш адрес пели». Вот и сегодня мы имеем дело с грубейшим нарушением канонов со стороны Константинополя.

Если вы спросите о моем личном отношении ко всему этому — я, естественно, переживаю. Вы знаете, я решил поехать и встретиться с Константинопольским Патриархом, чтобы поговорить по-человечески, по-братски, мы же с ним знакомы с 1977 года, еще молодыми людьми вместе работали, писали какие-то тексты. И я предложил встретиться, если Святейшему удобно, на какой-то нейтральной территории, например, в Шамбези (их центре под Женевой) или где-то еще, на что мне ответили: «Нет, Вы должны приехать к нам; только в Константинополе (Стамбуле) с Вами будет разговаривать Патриарх». Я понял, что за этим стоит желание, что называется, поставить на место. Кто-то из коллег даже сказал мне: «Не надо ехать, это унизительно», но я подумал: нет, это не унизительно. Да, это унизительно для тех, кто обращает внимание на подобные игры, но я на них внимание не обращаю. Я готов пешком идти куда угодно, только бы предотвратить такого рода развитие событий, — которое, к нашему сожалению, все же произошло.

И вот я поехал в Константинополь и по-братски разговаривал. Не могу сказать, что Константинопольский Патриарх так уж по-братски со мной говорил, но я пытался сделать все, чтобы его смягчить. Когда я чувствовал, что эмоции моего собеседника начинают превышать допустимый уровень, я брал его за руку и по-братски просил: «Давайте спокойно поговорим». И у меня еще оставалась надежда, потому что доводы, которые мы приводили, были очень убедительными. Но, с другой стороны, его позиция по Украине уже тогда была выражена достаточно резко и радикально.

Но все-таки еще раз хочу сказать: надежда умирает последней. Поэтому всем, кто, может быть, критикует меня за то, что я тогда поехал, я и сейчас говорю, что нужно было сделать этот последний шаг. А если бы я его не сделал? Ведь нашелся бы кто-то в вашей среде,

кто сказал бы: «Ну почему бы не встретиться, почему не поговорить? Почему не обсудить эту проблему от сердца к сердцу?» Я свидетельствую: этот шаг был сделан, мы поговорили от сердца к сердцу, но к положительным результатам этот шаг не привел. Но за это уже не мы несем ответственность.

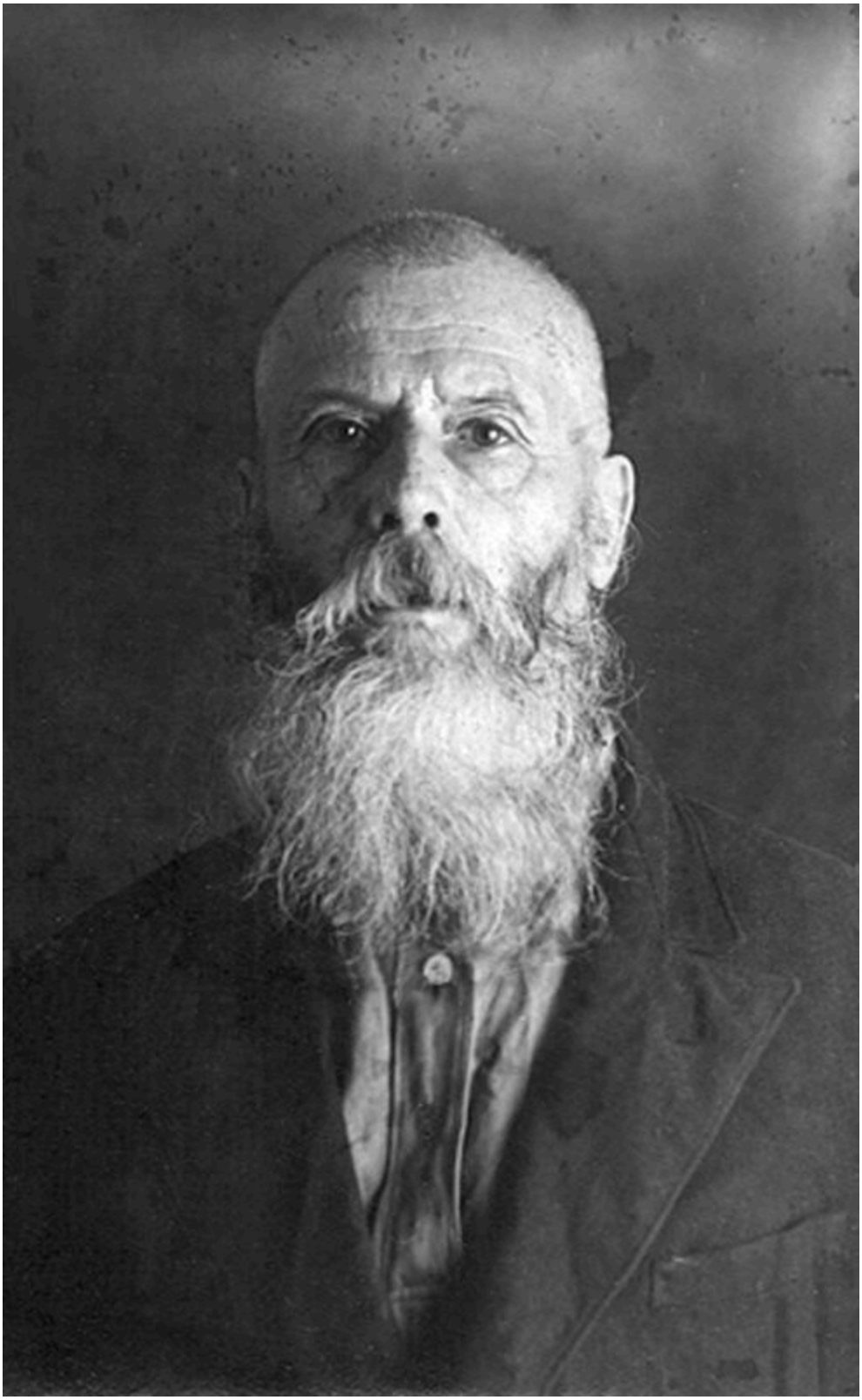
Патриарх Кирилл
Из ответов на вопросы участников VIII Международного фестиваля «Вера и слово», 30 октября 2018 года, Москва.
Заголовок дан редакцией

НОВОМУЧЕНИКИ

Преподобномученик

Иоасаф (Боев)

20.04.1879–**10.12.1937**

В качестве свидетеля по делу отца Иоасафа была допрошена некая женщина, направленная властями в село с ревизией; она показала: «При обследовании работы среди женщин в Миньяре 3 мая сего года мне сказали, что священник в Симу Боев привлек на свою сторону пионеров, они сейчас ходят в церковь и поют, а священник им покупает за это пряники и конфеты. Когда я приехала в Сим и на собрании женского актива поинтересовалась этим вопросом, мне женщины рассказали, что у них в Симу учительницы религиозны, ходят в церковь и поют на клиросе и сумели привлечь часть учеников, из них есть пионеры. В привлечении ребят в церковь много помог учителям священник. На мой вопрос, как на подарки реагируют женщины, мне сказали, что женщины ему очень симпатизируют, считают, что он очень хороший радетель для церкви, из своих денег он ребят угощает пряниками…»

Позже следователь объявил архимандриту Иоасафу об окончании следствия и спросил, не желает ли он что-либо добавить к предыдущим своим показаниям. Священник ответил: «Предъявленное мне обвинение я не признаю, прошу спросить верующих общины села Аратского, и главным образом бедноту, пускай они покажут о моих действиях. В отношении того, что я якобы учил детей Закону Божьему, это я тоже отрицаю, никогда никого не обучал, за исключением того, что приходившим ко мне верующим давал для прочтения религиозные книги. Детей-пионеров я в церковь не привлекал, но был такой случай в прошлом году в октябре месяце: пионеры еще до моего прихода в церковь пели на клиросе, и после этого на другой или третий день эти певчие и несколько детей собрались у меня в квартире. Я их угощал чаем, конфетами и другими гостинцами. Кроме этого, я вообще давал детям денег, кому на карандаши, на тетрадки… И вообще я многим помогал бедным, шел всегда навстречу, но никогда я не говорил детям, чтобы они не ходили в пионерский клуб, такого случая не было, и я это отрицаю. Проповедей антисоветского характера никогда верующим не говорил…»

Вскоре отца Иоасафа приговорят к ссылке. Но этой ссылкой мучения его не окончатся…

* * *

Преподобномученик Иоасаф родился 20 апреля 1879 года в семье крестьянина Орловской губернии Василия Боева и в крещении был наречен Иоанном. Во время ареста в 1927 году, когда следователь потребовал рассказать о себе, архимандрит Иоасаф написал: «Я <…> родился в Москве в Красных Казармах; отслуживши службу, отец поступил в Голицынскую больницу, где я и возрастал при окладе 7 рублей жалованья, при готовой квартире, отоплении и освещении. Семья состояла из пяти человек. Отец, мать, я — один сын, и две дочери. По бедности отец не мог мне дать образования, и я едва кончил два класса городского училища и был отдан на одиннадцатом году учиться сапожному мастерству. Как мне не хотелось быть сапожником! Я два раза бежал от подрядчика ввиду строгого отношения и побоев. Отец выпорол меня за побег и отправил опять в сапожную мастерскую, только к другому хозяину. Прослуживши у последнего четыре года, я вышел мастером из ученья и работал до двадцати одного года у разных хозяев. Но я не вмещал этой жизни ввиду пьянства и разврата, так как в праздники приходилось работать, а понедельник и вторник похмеляться; жениться у меня не было призвания, и я ушел в монастырь в сорока верстах от Москвы в Богородском уезде, под названием Берлюковская пустынь.

В 1912 году получил монашество с именем Иоасаф, в 1914 году в мае месяце был послан на экзамен во диакона к епископу Можайскому Димитрию, жившему на Саввинском подворье по Тверской улице. На экзамене епископ Димитрий сделал мне предложение перейти к нему на службу, на что я согласился. По возведении меня в иеродиакона, я был переведен на службу к епископу Димитрию на Саввинское подворье, где и служил до 1918 года, а потом был переведен в Никольский единоверческий монастырь в Москве у Преображенской заставы.

В 1921 году я был рукоположен во священника епископом Богородским Никанором в церкви этого монастыря. <…>

4 марта 1926 года умер священник Иванов в Симском заводе, и на его место симская община просила меня, на что я согласился. <…> 20 июня 1927 года я был арестован уполномоченным ОГПУ Павловым и представлен в Златоустовский изолятор. На допросе 5 июля мне было

предъявлено обвинение по 58-й статье в том, что занимаюсь контрреволюцией. <…> Теперь является мне вопрос, не страдаю ли я безвинно, потому что я никогда не говорил такой глупости в церкви с амвона, какую мне предъявляет обвинение…»

Во время допроса следователь спросил отца Иоасафа:

— Производили ли вы сборы среди крестьян без разрешения сельсовета?

— Производил в 1926 году на покупку церковной утвари, это было в Симу и было в селе Аратском в 1925 году. Собирали на ремонт церкви также без разрешения, за это на собранные продукты, муку, овес и деньги наложили арест, меня посылали в Катавский РИК, где разобрались, и меня отпустили. На заданные мне вопросы о моей агитации, критике советской власти и коммунистов, о том, что я якобы устраивал в церкви разные собрания верующих под видом службы, где говорил якобы против советской власти и где группировал вокруг себя кулачество, заманивал в церковь детей, и вообще будто бы сопротивлялся всем мероприятиям советской власти,— на это я категорически заявляю: ничего подобного не было, я такой глупости не говорил, никаких собраний не собирал — и добавляю, что мне мстить советской власти не за что.

5 декабря 1927 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архимандрита Иоасафа к трем годам ссылки.

По возвращении из ссылки весной 1930 года архимандрит Иоасаф переехал в Уфу и стал служить в Симеоновском храме. В ноябре 1931 года из Уфы в Москву отправился один из священников, намереваясь встретиться с епископом Андреем (Ухтомским), который в то время освободился из заключения и жил в Москве. При встрече епископ дал ему письма к верующим Уфы, а также попросил передать одному священнику письмо в Бугуруслан. Все письма имели церковный, лишенный политического содержания характер. На обратном пути, в поезде к священнику подсел агент ОГПУ, которому тот рассказал, что должен передать письмо в Бугуруслан. Агент принял решение арестовать его в Бугуруслане. Увидев, чем окончился его разговор с попутчиком, тот попытался сначала бежать, а затем уничтожить письма, но был схвачен и арестован. ОГПУ сочло поездку священника

с письмами весомым доказательством наличия в городе Уфе контрреволюционной церковной организации и арестовало пятьдесят одного человека — среди них одиннадцать священнослужителей и в их числе архимандрита Иоасафа, двадцать восемь монахинь и двенадцать мирян.

ОГПУ предъявило арестованным обвинение в том, что ими при Симеоновском храме проводились беседы с верующей молодежью, а также велась широкая благотворительная деятельность. Однако сами обвиняемые, не находя в этой деятельности ничего предосудительного и считая ее с точки зрения христианских заповедей даже необходимой, нисколько не отрицали ее. Одна из монахинь показала на следствии: «Как я стала монашкой? С 1924 года я стала болеть активным туберкулезом легких и находилась, что называется, в безнадежном состоянии, ибо врачи отказывались лечить меня. Я дала обет, что, если вылечусь, приму постриг. Действительно, я выздоровела и в 1930 году приняла постриг. Моя религиозная деятельность заключается в том, что я два раза проводила религиозные беседы с верующими. На этих беседах бывало большое количество верующих, в том числе и молодежь. <…> Знаю о благотворительной деятельности при Симеоновской церкви. <…> При церкви имелась специальная кружка для бедных. Собранные деньги расходовались на устройство бесплатных обедов в церкви для бедных и нуждающихся. От верующих принимались пожертвования, на кои делались передачи и отправлялись посылки заключенным и ссыльным. <…> Посылки и передачи заключенным и ссыльным имели своей целью утешить и морально поддержать их, что я со своей стороны считаю христианским долгом…»

Но иначе смотрела на подобного рода деятельность советская власть. 13 апреля 1932 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило архимандрита Иоасафа к трем годам заключения, которое он отправлен был отбывать в Красно-Вишерские исправительно-трудовые лагеря. После возвращения из заключения отец Иоасаф служил в храме на Таганке в Москве, а затем с апреля 1937 года стал служить в Никольском храме в селе Никольском Звенигородского района Московской области.

27 ноября 1937 года архимандрит Иоасаф был вновь арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. На допросах он категорически отказался признавать себя виновным и заявил: «Виновным себя в проведении контрреволюционной деятельности, направленной против советской власти, не признаю».

5 декабря 1937 года тройка УНКВД по Московской области приговорила его к расстрелу. Архимандрит Иоасаф (Боев) был расстрелян 10 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Игумен Дамаскин (Орловский),

ответственный секретарь Церковно-общественного совета при Патриархе Московском и всея Руси по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской, руководитель фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», www.fond.ru

ЛЮДИ

«Я взяла в семью детей заключенных. И должна буду их вернуть»

История женщины, которая решилась на действительно смелый шаг

Татьяна Фалина,
волонтер по тюремному служению, многодетная мама, воспитывает нескольких приемных детей,
в том числе двоих детей, родившихся в колонии

Уже год в моей семье воспитываются двое новых малышей — Белла и Саша. Эти дети родились в колонии. У них есть мамы. Но их мамы сидят. И в скором времени (с Сашей — через несколько месяцев, с Беллой — через три года) я должна буду разлучиться с этими детьми и вернуть их матерям. Многие считали, что это безумие. Что брать «временных» детей — только терзать себе душу. Но мы с мужем считаем, что это был единственно верный путь.

Я уже 11 лет занимаюсь тюремным служением — то есть помогаю людям в местах лишения свободы в колониях Нижегородской области. На заре своей волонтерской деятельности я узнала, что в тюрьмах тоже бывают младенцы. Это сообщение в первые моменты воспринимается как шок, хотя объясняется достаточно легко. Женщина в заключении может забеременеть, например, во время длительного свидания или попасть в колонию уже беременной. В этом случае ее переводят в одну из колоний, где есть Дом ребенка. Таких колоний на территории нашей страны несколько.

Дом ребенка при колонии отчасти напоминает обычный детский дом, но отличается от него в главном: каждый ребенок знает, что у него есть его собственная мама, и это добавляет малышу уверенности в себе. «Посмотрите на наших детей,— однажды поделилась со мной директор Дома ребенка.— Они же каждый — личность! А все потому, что каждый знает свою маму. Этого ребенку ничем не заменишь».

Дети содержатся в группах, но мамы имеют возможность ежедневно их навещать. Это совсем небольшое время — буквально пара часов в день, но этого достаточно, чтобы у детей формировалась привязанность к матери. Именно поэтому дети при колониях совсем не похожи на детдомовских.

И все же в ситуации с «тюремными» детьми очень много сложностей. Дело в том, что по закону ребенок может находиться в исправительном учреждении при матери только до трех лет. После этого возраста малыш должен покинуть колонию и дожидаться освобождения матери уже за ее пределами. При хорошем стечении обстоятельств опеку над ребенком оформляют родственники. При плохом — он попадает в детский дом на срок до освобождения матери.

ЕСЛИ У РЕБЕНКА ЕСТЬ РОДНОЙ ОТЕЦ, КОТОРЫЙ ЕГО ПРИЗНАЕТ, ИЛИ ЛЮБЯЩИЕ БАБУШКИ-ДЕДУШКИ, ТО ВСЕ РЕШАЕТСЯ ПРОСТО. НО ТАК ВЕЗЕТ НЕ ВСЕМ.

Чаще всего отец отсутствует вообще: бросил женщину или тоже находится в местах лишения свободы. И вообще, у женщин, оказавшихся в тюрьме, часто бывают трудные отношения с родителями и прочими родственниками. Или родственники не всегда попадают под критерии, необходимые для оформления опеки. Вот поэтому нередко случается так, что ребенка совершенно некуда пристроить.

После освобождения мать может заявить о своих правах на ребенка и забрать его. А потому детей, у которых мать находится в местах лишения свободы, нечасто берут под опеку, хотя их фотографии точно так же размещаются в базах данных детей-сирот: люди боятся, что ребенка потом придется отдать, боятся проблем с кровной матерью.

Но нередко случается так, что, освободившись, мать не возвращается за ребенком. Тогда начинается процедура лишения родительских прав. Но пока это произойдет, могут пройти годы — а малыш все это время будет находиться в детском доме.

Есть и еще один трудный момент. Если мать после освобождения решает вернуть себе ребенка, а его все же забрали под опеку другие люди, то возвращение для малыша тоже может оказаться весьма травматичным. Органы опеки забирают его из приемной семьи обратно в детский дом и уже оттуда передают матери (которую к этому моменту ребенок мог основательно забыть).

Получается кошмарная цепочка. Малыша в три года отрывают от матери — травма. Помещают в детский дом — травма. Потом, возможно, забирают в семью, где он привыкает к новым родителям, а потом его забирают от любимых им людей, снова помещают в детский дом и затем возвращают матери, от которой он отвык, которую забыл и которая стала для него чужим человеком. Да и мать уже не знает, как себя с ним вести.

Мне кажется, такие встряски не смог бы перенести даже взрослый человек, что уж говорить о ребенке.

Эту ситуацию можно было бы исправить, если бы детей из тюрьмы забирали опекуны с целью поддержать не только малыша, но и его мать. То есть брали на себя функцию родственников. В этом случае опекуны заранее знакомятся с ребенком и матерью, забирают его сразу из колонии (без передачи в детский дом), поддерживают контакты с матерью и с условленной регулярностью привозят малыша к ней на свидания. А затем, когда женщина выходит из тюрьмы, передают ребенка матери не сразу, а постепенно, помогая ей заново узнать его, понять его характер и интересы. Да, для опекунов это не самая простая задача. Зато ни в чем не повинный ребенок сможет избежать всех тех травм, которые я описала выше. Хорошо зная судьбы «тюремных» детей, я понимаю, что это — самое главное.

В нашей семье уже год воспитываются двое ребятишек из колонии. Мы регулярно ездим на свидания с мамами, созваниваемся с ними по телефону, делаем передачки, получаем от них письма.

Я ВИЖУ, ЧТО НАШИ ДЕТИ ЛЮБЯТ СВОИХ МАМ, ОЧЕНЬ РАДУЮТСЯ ИХ ЗВОНКАМ, С УДОВОЛЬСТВИЕМ ЕЗДЯТ НА ВСТРЕЧИ. ПРИ ЭТОМ К НАМ ОНИ ТОЖЕ ОЧЕНЬ ПРИВЯЗАНЫ.

Когда-то меня отговаривали от этого шага — зачем связываться с «временными» детьми. Только душу себе рвать. Но я вспоминаю, как первое время Белла не слезала у меня с рук, а Саша по 5–6 раз за ночь просыпался и требовал покачать его на руках, и с ужасом думаю: как бы они, такие ласковые и ручные, были в детском доме?

В нашем случае все будет очень непросто: оба ребенка иностранцы и вместе с мамами подлежат депортации, как только у мам закончится тюремный срок. Мы мечтаем о том, чтобы мамы наших детей смогли остаться в России и мы бы сообща решали проблемы адаптации и начала для них новой жизни, но пока шансов мало…

Я знаю, что разлука с детьми, которых мы успели полюбить, будет для нас невыносимой. Единственный способ справиться, который мы нашли для себя, — это всей душой полюбить мам наших малышей. Чтобы они тоже стали для нас близкими людьми. Это помогает.

Очень часто к женщинам-заключенным относятся свысока. Нередко слышу: «Хорошая же она мать, если сидит в тюрьме!» В этом случае мой муж отвечает: «Но она же сидит в тюрьме не за то, что она плохая мать! Мало ли что она совершила, но ребенка-то она любит!»

Мне кажется, негативное отношение общества — одна из причин, по которой женщины, освободившись из тюрьмы, редко возвращаются за детьми. Сначала они болезненно переживают разрыв с ребенком и, чтобы не болело, чтобы не было так страшно и невыносимо, предпочитают забыть. И со временем действительно отвыкают от детей, утрачивают родительский инстинкт. Их можно понять, ведь многие из них тоже в свое время недополучили любви.

Чтобы забрать малыша от опекунов или из детского дома, женщина должна выполнить ряд условий: обеспечить подходящее жилье, устроиться на работу. После освобождения для многих это становится трудноразрешимой задачей. Внутреннего ресурса бороться за себя и за

ребенка у них нет — и потому после нескольких безуспешных попыток женщины сдаются.

Опять же, если бы ребенок в этот период был у дружественно настроенных опекунов, если бы мать регулярно его видела, чувствовала поддержку и могла неспешно решать свои проблемы, может быть, она и справилась бы с периодом адаптации на свободе и вскоре благополучно воссоединилась бы со своим чадом…

Я часто вспоминаю, как директор Дома ребенка при колонии поделилась со мной: «Мне моя предшественница говорила: никогда не пытайся узнать судьбу своих воспитанников, а то поймешь, что зря

работаешь…» Судьба ребятишек, рожденных в тюрьме, действительно, часто бывает неблагополучной. Они словно обречены повторить судьбу своих родителей.

Такая безысходность будет продолжаться до тех пор, пока не найдутся люди, готовые прийти на помощь заключенной маме и ее малышу. То есть — мы с вами. Взять под опеку ребенка, родившегося в тюрьме, может любой человек, оформивший документы приемного родителя. Никаких особых правил и условий здесь нет.

Фотографии из личного архива Татьяны и Артема Фалиных

КУЛЬТУРА

Тарас Бульба

Удивительные факты, о которых не рассказывают в школе

Повесть Гоголя «Тарас Бульба» изучают в школе в седьмом классе, и нередко у детей (да и у их родителей) возникают недоуменные вопросы: почему герои повести, казаки-запорожцы, — положительные герои? Ведь с точки зрения современных этических представлений их можно считать самыми настоящими разбойниками с большой дороги. А для читателей-христиан встает еще и другой вопрос: в чем заключается христианский посыл «Тараса Бульбы»? На непростые вопросы об этой повести Гоголя «Фоме» ответил в нескольких тезисах доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ Владимир Воропаев.

КОГДА ДЕТЯМ УЧИТЕЛЯ ИЛИ РОДИТЕЛИ РАЗЪЯСНЯЮТ СМЫСЛ «ТАРАСА БУЛЬБЫ», ТО НЕРЕДКО ДОПУСКАЮТ ДВЕ СЕРЬЕЗНЫЕ ОШИБКИ, ПРИМИТИВИЗИРУЯ ЭТУ ГОГОЛЕВСКУЮ ПОВЕСТЬ.

Во-первых, это безусловное оправдание ее героев, запорожских казаков. Раз они защищают Русскую землю от врагов, раз они защищают русскую веру — то какие могут быть к ним претензии? Они — образец для подражания, ими следует восхищаться, а их, мягко скажем, недостатки особой роли не играют. Такой подход был свойственен советской школе, но встречается и в наши дни.

Во-вторых, это безусловная демонизация запорожских казаков. Они подаются как отпетые бандиты, как кровожадные чудовища, нечто вроде орков из «Властелина колец» Толкина. Весь смысл повести, таким образом, сводится к описанию жестокостей прошлого. Это веяние возникло в 1990-е годы на волне критического (а зачастую и некритического) пересмотра традиционных представлений. Кстати, представители такого подхода уверены, что «Тараса Бульбу» вообще лучше исключить из школьной программы, что детям вредно его читать.

Оба подхода ошибочны. А истина лежит даже не посередине, а вообще в другой плоскости. Все ведь значительно сложнее, и, чтобы правильно понимать «Тараса Бульбу» (да и вообще гоголевскую прозу), надо сразу настроиться на то, что быстро и просто понять не получится. Придется думать, сопоставлять и разные произведения Гоголя, и биографические моменты, и исторические факты.

Я попробую сформулировать несколько вещей, которые надо учитывать, говоря о «Тарасе Бульбе». Ничего нового, впрочем, не скажу, все это есть не только в сугубо научной, но и в научно-популярной литературе — однако в школе это не всегда рассказывают.

«ТАРАС БУЛЬБА» — ЭТО ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС. А ЭПОС — ОСОБЫЙ РОД ЛИТЕРАТУРЫ, ОЧЕНЬ ОТЛИЧАЮЩИЙСЯ ОТ ТОГО, ЧТО МЫ НАЗЫВАЕМ СЕГОДНЯ РЕАЛИСТИЧЕСКИМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ. ПОЭТОМУ НЕЛЬЗЯ ВОСПРИНИМАТЬ ГЕРОЕВ ПОВЕСТИ ГОГОЛЯ КАК ГЕРОЕВ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО РОМАНА.

Что значит «героический эпос»? Это значит, что каждый герой олицетворяет какое-то одно человеческое качество — доблесть, предательство, мужество, коварство, трусость, жестокость, честь, жадность… В эпическом герое нет сложности, нет тех полутонов, которые свойственны героям привычной нам реалистической прозы. Вот есть в таком герое доминирующая черта — и все остальные черты лишь оттеняют эту главную. Скажем, если сын Тараса, Остап, олицетворяет верность долгу, то не важно, насколько он умен, каковы его культурные запросы, каковы его недостатки. Если другой сын Тараса, Андрий, олицетворяет нравственное падение, предательство, то опять же не важны его прочие качества.

В эпическом произведении сюжет выстроен так, что столкновение разных героев, символизирующих разные качества, работает на авторский замысел. Поэтому совершенно неважно, где и когда все это происходит, насколько логически непротиворечив ход событий, объяснимы ли рационально те или иные сюжетные повороты. Подходить к эпосу с мерками реалистической прозы — это то же самое, что подходить с такими же мерками к сказке или былине.

Но именно так, в духе реализма, школьники (и их родители) воспринимают Тараса, Остапа, Андрия и других героев повести. И тогда, вполне естественно, возникают ассоциации с бандитами, отморозками, полевыми командирами, террористами и прочими печальными реалиями нашей современности.

Почему так происходит? Потому что хотя «Тарас Бульба» и героический эпос, но внешне он выглядит как историческая проза. Действие происходит вроде бы не в настолько седой древности, как в случае «Илиады» Гомера, и не в толкиновском Средиземье, а в нашем мире. Вроде бы все понятно с местом действия (территория современной Украины) и временем (расцвет польского государства, Речи Посполитой). Вот и тянет читателя воспринимать события в контексте реальной истории той эпохи. Приметы эпоса в «Тарасе Бульбе» надо еще разглядеть.

Более того, говорить, что «Тарас Бульба» — это только героический эпос, было бы не совсем верно. В какой-то мере это и историческая проза, и даже реалистическая. Поэтому очень непросто вычленить, где тут проявляется эпическое начало, а где повествование приобретает черты реалистического произведения. Потому так легко ошибиться и, по аналогии с какими-то явно реалистическими моментами (например, бытовыми описаниями), счесть реалистическими и те места, которые на самом деле таковыми не являются, а представляют собой черты героического эпоса.

ДЕЙСТВИЕ «ТАРАСА БУЛЬБЫ» ПРОИСХОДИТ В СПЕЦИАЛЬНО СКОНСТРУИРОВАННОМ ПОД АВТОРСКУЮ ЗАДАЧУ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ. ВСЕ МОМЕНТЫ, ВЗЯТЫЕ ИЗ РЕАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ИГРАЮТ ТАМ РОЛЬ ДЕКОРАЦИЙ.

Взять, допустим, время действия повести. Какие это годы? Есть ли в тексте явные привязки? Да! Например, там есть фраза: «Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников…» Значит, XV век? Не спешите. Там есть и другая фраза, слова одного из эпизодических героев: «А так, что уж теперь гетьман, зажаренный в медном быке, лежит в Варшаве, а полковничьи руки и головы развозят по ярмаркам напоказ всему народу». Какой исторический факт тут подразумевается? Гетман Семерий Наливайко, один из лидеров казацкого мятежа в Польше, был казнен в Варшаве в 1597 году — казнен таким вот зверским способом. Значит, XVI век? Снова не торопимся. Ближе к концу повести упоминается, как восставшие казаки пленили польского военачальника, коронного гетмана Николая Потоцкого: «Согласился гетьман вместе с полковниками отпустить Потоцкого, взявши с него клятвенную присягу оставить на свободе все христианские церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды козацкому воинству. Один только полковник не согласился на такой мир. Тот один

был Тарас». А Николай Потоцкий — это уже XVII век. Коронным гетманом (то есть главнокомандующим) он был в 1637–1646 годах, а описанное в «Тарасе Бульбе» казацкое восстание («поднялась вся нация») более всего соответствует реально случившемуся казацкому восстанию 1637–1638 годов.

Откуда такие «нестыковки»?

Работая над книгой, Гоголь пересмотрел множество летописей и исторических источников. Он прекрасно знал эпоху, которой посвящено его произведение. Но важнейшим материалом, который помог писателю так живописно передать характеры запорожцев, стали народные песни и думы. Как установили исследователи, в «Тарасе Бульбе» нет ни одного значимого эпизода или мотива, которые не имели бы своим источником героические народные песни и думы.

В тексте — не ошибки автора, а намеренное смешение реалий разных эпох. Это было нужно ему именно для того, чтобы дать ощущение эпичности происходящего. События из разных времен сгруппированы вместе — для того чтобы создать картину противостояния двух сил, двух полюсов, добра и зла — угнетаемых православных русских людей и угнетателей, поляков-католиков.

Как эта картина соотносится с историческими реалиями? На этот счет историки дают разные ответы. Важно иметь в виду, что, когда Гоголь говорит «русские люди», «Русская земля», «русская сила», «русская вера» — речь идет не об этнической или государственной идентичности, а о духовной. Во времена действия «Тараса Бульбы» (даже если брать по верхней границе — 30-е годы XVII века) России не принадлежали те территории («Украйна»), где происходят описанные в повести события. Эти территории принадлежали Речи Посполитой — мощной на тот момент европейской державе, возникшей благодаря слиянию в XIV веке королевства Польского и Литвы. Герои повести, казаки-запорожцы, были подданными польской короны. Часть этих казаков были реестровыми, то есть считались нерегулярными польскими вооруженными формированиями, обязаны были защищать южные границы Польши — и получали за то определенные привилегии и денежное содержание. Поэтому в

реальности Русскую землю (то есть Русское государство) они, конечно же, не защищали.

При этом казаки-запорожцы — православные христиане, а Речь Посполитая была государством католическим, которое, формально декларируя веротерпимость, в действительности оказывало сильнейшее давление на своих православных подданных, принуждая их принимать католичество или униатство (униатство — попытка скрестить православие с католицизмом, где от православной веры остались только внешние обрядовые моменты). Гонения на православных людей заключались и в ущемлении прав, и в издевательствах, и в финансовом бремени (например, в необходимости платить деньги за саму возможность совершать в православных храмах богослужения), и, как нередко случалось, в физическом преследовании. Упомянутый в повести эпизод — *«Слушайте!.. еще не то расскажу: и ксендзы ездят теперь по всей Украйне в таратайках. Да не то беда, что в таратайках, а то беда, что запрягают уже не коней, а просто православных христиан»* — один из множества подобных.

Поэтому периодически случавшиеся на восточных территориях Речи Посполитой мятежи и восстания имели одной из своих причин и религиозную мотивацию — стремление защитить православную веру. Эта мотивация не была единственной, там сплетались многие факторы — и социальные, и экономические (например, не всех казаков брали в

реестр, и те, кто туда не попадали, лишались привилегий, им было обидно).

Но Гоголь в «Тарасе Бульбе» намеренно упрощает эту сложную реальность, изображая мир, где, с одной стороны, господствуют жестокие поляки-католики, а с другой, страдают под их гнетом русские люди (напомню, русские — не в этническом смысле этого слова, а люди, исповедующие русскую веру: в средние века это был просто синоним православия — такой же, как и греческая вера). Гоголь создает художественный мир, так деформирует время и пространство, чтобы в этих исторических декорациях оказалось возможным говорить о том, что ему было крайне важно, — о доблести и мужестве, о смысле воинского подвига — с христианских позиций.

СУТЬ ВОИНСКОГО ПОДВИГА, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГОГОЛЯ, — ГОТОВНОСТЬ ОТДАТЬ ЖИЗНЬ ЗА ИСТИНУ (ТО ЕСТЬ ЗА ИСТИННУЮ ВЕРУ) И ЗА СВОИХ ДРУЗЕЙ. И ТАКОЙ ПОДВИГ МОГУТ СОВЕРШАТЬ НЕ ТОЛЬКО ПРАВЕДНИКИ, НО И ГРЕШНИКИ. РАТНЫЙ ПОДВИГ СПОСОБЕН СПАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДУШУ, КОТОРАЯ ИНАЧЕ ПОГИБЛА БЫ ИЗ-ЗА МНОЖЕСТВА ГРЕХОВ.

Важно понять: Гоголь нисколько не идеализирует своих героев-казаков. Ему чужда идея, что героическая смерть на поле брани становится оправданием недостойного образа жизни. Грех остается грехом, даже если грешник в итоге оказывается спасен и попадает в Царствие Божие. «Хорошо будет ему там. “Садись, Кукубенко, одесную меня! — скажет ему Христос, — ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал Мою Церковь”».

Но в том-то и парадокс, что одно не уравновешивает другого. Гоголь, описывая нравы запорожцев, показывает, что они склонны к пьянству, что они пренебрегают соблюдением постов, что они плохо заботятся о находящемся в Сечи храме. «Притом же у нас храм Божий — грех сказать, что такое: вот сколько лет уже, как, по милости Божией, стоит Сечь, а до сих пор не то уже чтобы снаружи церковь, но даже образа

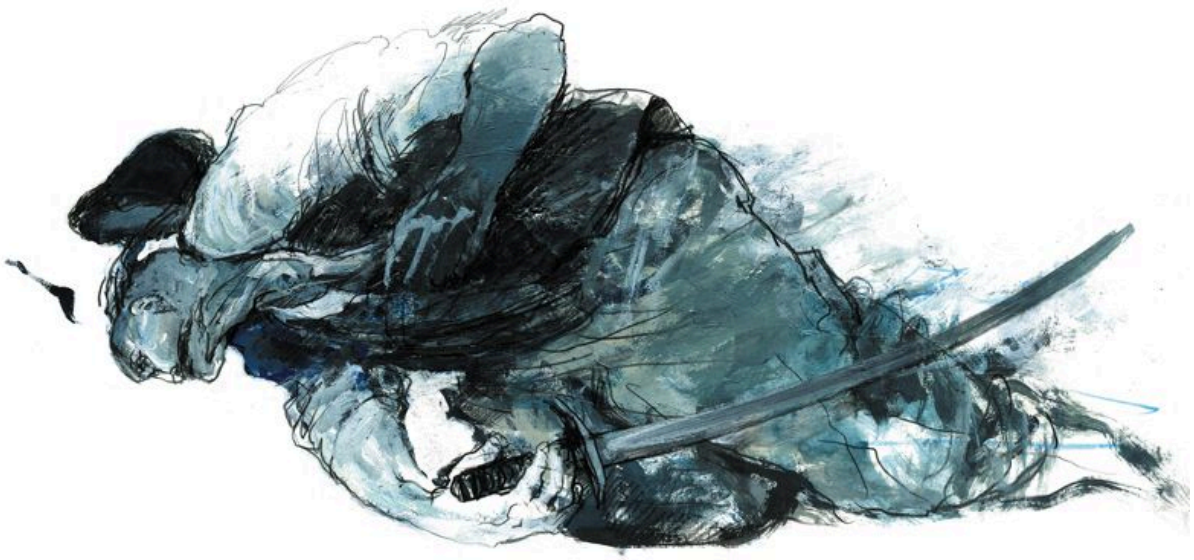
без всякого убранства. Хотя бы серебряную ризу кто догадался им выковать! Они только то и получили, что отказали в духовной иные козаки. Да и даяние их было бедное, потому что почти всё пропили еще при жизни своей», — говорит в повести кошевой, то есть выборный предводитель казаков. И уж тем более Гоголь не скрывает присущей казакам жестокости. «Жалобный крик раздался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе». Или: «Не уважали козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки подымались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвигнулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя». Вряд ли найдется хоть один читатель, который увидел бы в этих авторских словах одобрение.

Но тем не менее даже такие грешники способны на самопожертвование, готовы идти ради истины на смерть (подчас на крайне мучительную смерть, как Остап). В человеке парадоксальным образом могут совмещаться мужество и жестокость.

Что характерно (и Гоголь это в повести прямо показывает) — сама ситуация, в которой приходится умирать, может оказаться следствием греха этих готовых положить жизнь за други своя героев. Например, почему вообще погибли большинство казаков, осаждавших польский город Дубно? Потому что они разделились, часть казацкого войска решила отправиться в набег на татар. Тут у Гоголя явная отсылка к евангельскому всякое царство, разделившееся в самом себе, опустеет, и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит (Мф 12:25). Но если уж, так или иначе, перед человеком встает выбор — отдать жизнь за благое дело или струсить, предать, то самопожертвование спасает даже грешную душу.

В этом и проявляется гений Гоголя: он умел в простом, грешном человеке увидеть способность к подвигу, решимость на подвиг. Очень легко осудить героев повести, поставить себя выше их. Но можно, вслед за Гоголем, посмотреть глубже, увидеть человеческую

сложность, противоречивость, увидеть, что грех и героизм не уничтожают взаимно друг друга, как щелочь и кислота в химическом опыте, а способны долго сосуществовать в человеческой душе. И неожиданно — для тех неожиданно, кто привык смотреть на всё рационалистически! — в критический момент такой человек совершает подвиг. Примеров, уже не из повести Гоголя, а из реальной жизни, предостаточно. Взять хотя бы подвиг Александра Матросова, закрывшего своей грудью немецкий пулемет. А кем был Матросов до войны? Трудным подростком. И не случись войны, возможно, так и пошел бы по кривой дорожке…

Вообще, Гоголя проблема воинского подвига всегда очень волновала, причем не только как писателя, но в первую очередь как христианина. Позволительно ли христианину убивать на поле брани? Гоголь делал по этой теме выписки из святых отцов, у которых, замечу, не было единого мнения на сей счет. Так, например, святой Василий Великий ввел канон, согласно которому воин, убивавший в бою, на три года лишался права причащаться. В реальности этот канон не исполнялся (из уважения к воинскому подвигу), но само его принятие говорит о

том, что церковное сознание видело здесь проблему. С другой стороны, святой равноапостольный Кирилл приравнивал к христианским мученикам всех воинов, погибших в боях за веру и отечество. Проблема и поныне остается дискуссионной. С богословских позиций ее, кстати, пытался рассмотреть русский философ Иван Ильин в своей книге «О сопротивлении злу силой» (1925 год). Естественно, что свои представления о воинском подвиге Гоголь воплотил и в «Тарасе Бульбе».

Более того, он в каком-то смысле сформировал в отечественной культуре представление о том, что такое подвиг. Естественно, подвиги совершались и раньше, но вот осмысление этого слова по-настоящему произошло как раз благодаря «Тарасу Бульбе». Точно так же, как, например, и до «Ревизора» были самозабвенные вруны, пускающие всем пыль в глаза, но только после гоголевской комедии в обиход вошло слово «хлестаковщина». Явление было и раньше, а представление о нем появилось, когда «Ревизор» вошел в русскую культуру.

ТРАДИЦИОННО СЧИТАЕТСЯ, ЧТО «ТАРАС БУЛЬБА» УЧИТ ПАТРИОТИЗМУ. И ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТАК — НО ТОЛЬКО С УЧЕТОМ ТОГО, ЧТО ПАТРИОТИЗМ ГОГОЛЬ ПОНИМАЛ ПО-СВОЕМУ.

Для Гоголя патриотизм, то есть любовь к родной земле, неотделим от любви к Богу, то есть от веры и жизни по вере. Он сам писал об этом: «Тому, кто пожелает истинно честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства, — нужно иметь много любви к человеку вообще и сделаться истинным христианином во всем смысле этого слова» («Авторская исповедь»). А в письме к своему другу, графу Александру Петровичу Толстому, он высказывается еще яснее: «…нам прежде всего нужно жить в Боге, а не в России. Будем исполнять закон Христа относительно тех людей, с которыми нам придется столкнуться, а о России Бог позаботится и без нас».

Именно такое понимание патриотизма выразил Гоголь и в «Тарасе Бульбе», оно проявляется во всем художественном строе повести. И ее центральный, сюжетообразующий конфликт — предательство, которое совершил сын Тараса Андрий, — как раз об этом. История Андрия — это история о том, как одно предательство влечет за собой другое. То, что он пылко влюбился в дочь польского воеводы, — это, конечно, не грех. Грех начинается с тех решений, которые принимает Андрий ради своей любви.

Первое, что он отвергает, — это вера. Ведь именно разница в вероисповедании была тут главным препятствием. Он православный, она католичка, соединиться браком они не могли, а близость вне брака — несомненный грех что с православных, что с католических позиций. Андрию приходится выбирать, что ему дороже — Православие или прекрасная полячка.

Выбирая полячку, он автоматически отвергает Православие. Отвергнув Православие, он отвергает и родину. «Кто сказал, что моя отчизна Украйна? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для нее всего. Отчизна моя — ты!» — говорит он

своей возлюбленной (которая, кстати, куда более трезво оценивает ситуацию: «тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе»). Отвергнув отчизну, Андрий предает уже и самых близких своих людей — отца, брата, боевых товарищей. Кончается его предательство тем, что он вступает с ними в бой в качестве польского офицера. А началось все именно с отхода от веры, с отвержения Божиего Промысла о себе.

Такое вот «доказательство от противного» Гоголь применяет, чтобы выразить свою мысль: патриотизм — это лишь следствие из главного, то есть из веры в Бога, доверия Богу. Но не будет веры — не будет и патриотизма. Без веры патриотизм лишается своих оснований, его можно отвергнуть с помощью рациональных аргументов (что и делает Андрий, его логика вполне убедительна, если, конечно, вынести за скобки Бога).

В ПОВЕСТИ «ТАРАС БУЛЬБА» НЕ ТАК-ТО ЛЕГКО ПОНЯТЬ, КАКОВА ПОЗИЦИЯ АВТОРА. ПОВЕСТЬ НАПИСАНА ОТ ЛИЦА НЕКОЕГО РАССКАЗЧИКА, НО БЫЛО БЫ ОШИБКОЙ ОТОЖДЕСТВЛЯТЬ ЭТОГО РАССКАЗЧИКА С САМИМ ГОГОЛЕМ.

От чьего лица излагаются читателю события повести? Кто этот рассказчик? Автор, открытым текстом излагающий свои мысли, дающий свои оценки происходящему? Ни в коем случае! Рассказчик в «Тарасе Бульбе» — это тоже герой, только неявный, безымянный. Местами он говорит то, что мог бы, безусловно, сказать и сам Гоголь, а иногда почти отождествляет себя с героями повести, казаками-запорожцами с их необузданными нравами. К примеру, можно ли представить Николая Васильевича Гоголя, с веселой усмешкой описывающего подробности еврейского погрома на Сечи?

Нет, это не Гоголь! А кто? Можно предположить, что это воображаемый современник героев повести. Есть в тексте, кстати, такие слова: «Не погибнет ни одно великодушное дело, и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, козацкая слава. Будет, будет бандурист* с седою по грудь бородою, а может, еще полный зрелого

мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово». Вот местами в качестве рассказчика мы видим именно такого «седого бандуриста», «белоголового старца». Но это не Гоголь, это его маска. А вот, к примеру, сам Гоголь: «Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось козачество — широкая, разгульная замашка русской природы…» — вот это уже взгляд не седого бандуриста, тут уже Гоголь снимает маску рассказчика. А потом снова надевает. То есть в повести между повествователем и автором есть дистанция, причем переменная. Иногда автор и повествователь сближаются до уровня неразличимости, иногда — отдаляются максимально.

Как же различить позицию автора? Сразу скажу — это непросто. Позиция автора вытекает из всего строя произведения, она проявляется в сюжетных ходах, в описаниях, в иронической интонации одних мест и лирической — других. А кроме того, она проявляется не только в словах повествователя, но и в словах героев — например, в рассуждениях Тараса о дружбе.

Позволю себе привести эту его речь целиком:

«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Все взяли бусурманы, все пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое

дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь — и там люди! также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а… — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышиной натуры их!»

Кто это говорит? Тарас Бульба — или сам Гоголь его устами? Ведь эта речь — пожалуй, квинтэссенция авторской мысли. Такая дружба, такое товарищество, как здесь описано, — это ведь не что иное, как воплощение христианской любви — в тех конкретных исторических формах и обстоятельствах.

И еще: чтобы понять авторскую позицию в «Тарасе Бульбе», недостаточно читать только «Тараса Бульбу». Его надо сопоставлять с

другими гоголевскими произведениями, потому что между ними есть важные смысловые связи.

И это, кстати, свойственно не только Гоголю. Вот взять Пушкина, «Капитанскую дочку». Где там позиция самого Пушкина? Чтобы ее понять, нужно смотреть на слова всех героев, сопоставлять их, учитывая контекст, учитывая и предыдущее, и последующее развитие событий, учитывая отношения между героями. И нет среди них ни одного, чью позицию можно было бы полностью отождествить с пушкинской. Пушкинская — шире, многограннее.

Вообще, учитель литературы должен привить ученикам понимание того, что художественное произведение — это не слепок с реальности, что у него, произведения, есть свои законы, эстетические. Но если хотя бы чуть-чуть знать и понимать эти законы — тогда понятней станет и окружающая нас действительная жизнь.

Подготовил Виталий Каплан

Рисунки Наталии Кондратовой

Горы в Евангелии

Голгофа, Фавор, Елеон и Каранталь

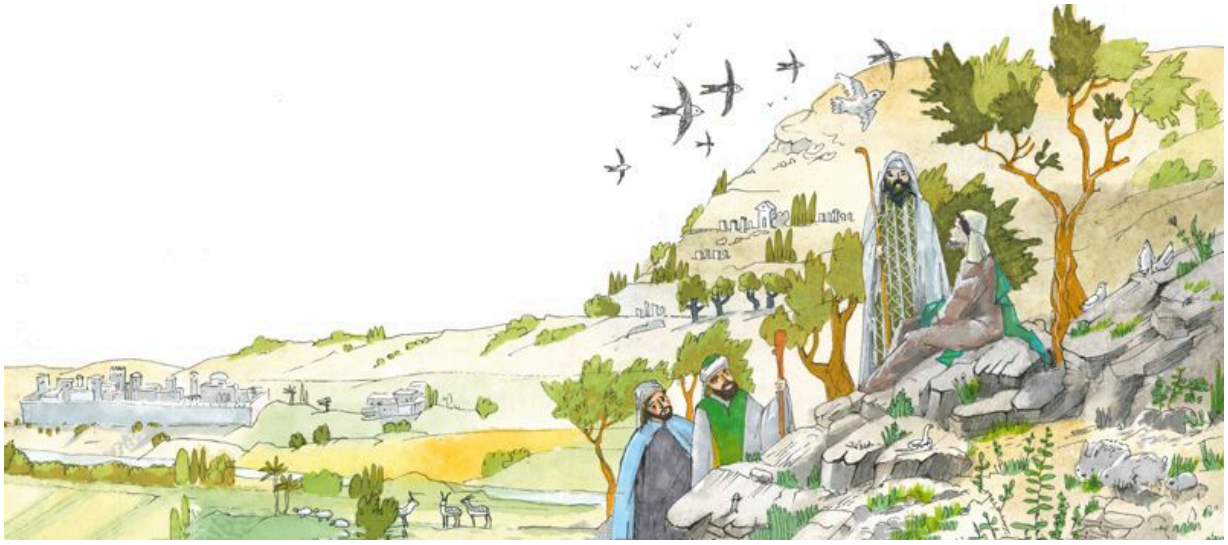

Горы во все времена вызывали у людей уважение и восторг. Словно могучие великаны возвышаются они над окрестностями и как будто подпирают своими вершинами небеса. Странник, вступивший на горную тропу, начинает свой путь в долине, а заканчивает его там, где можно потрогать рукой облака. Подняться на гору — это значит стать ближе к небу, оторваться от земной суеты. Глядя с высоты на пасущихся овечек, на колосящиеся поля и плодородные виноградники, человек восхищается красотой Божьего творения и чувствует, как сердце его одновременно и плачет от умиления, и поет от радости. А еще у каждой горы есть своя история. Потому что каждая гора — памятник людям или событиям, с нею связанным. Даже самые

величественные рукотворные памятники разрушает время. А горы стоят тысячелетиями.

В Евангелии тоже описаны горы, на которые поднимался Иисус Христос. Их истории мы сейчас и расскажем.

Гора Елеонская

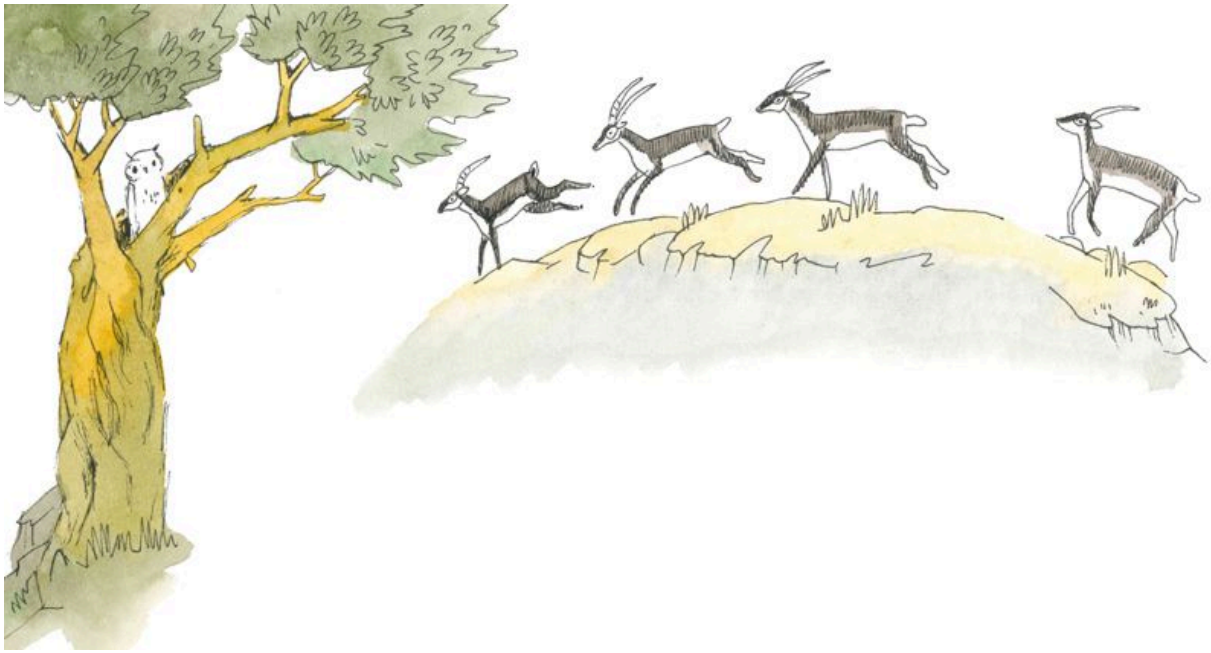
Чаще всего в Евангелии упоминается гора Елеонская — как местность, теснейшим образом связанная с земной жизнью Иисуса Христа. Здесь Он любил отдыхать со своими учениками после дневной проповеди. Здесь был схвачен стражниками. А после Своего Воскресения, именно отсюда, с вершины Елеонской горы Иисус Христос вознесся на небеса. Почему же именно эта гора стала местом таких важных событий? Чтобы на это ответить, сначала нужно разобраться, где она расположена и как выглядит.

На самом деле Елеонская гора — это не отдельная вершина, а короткий горный кряж — цепочка из нескольких поросших деревьями пологих гор, облегающая Иерусалим с востока и ограждающая город от разрушительного соседства пустыни.

Вершины Елеонского кряжа отделяются от города долиной реки Кедрон. Эту часть Кедрона называют также долиной Иосафата — по находящейся здесь гробнице Иосафата, правителя Иудейского царства, который жил за несколько сотен лет до Рождества Христова. На прилегающих к Кедрону склонах горы расположено огромное кладбище, самым древним могилам которого около трех тысяч лет. Многие люди из разных концов земли приезжали в Иерусалим незадолго до своей смерти специально для того, чтобы быть

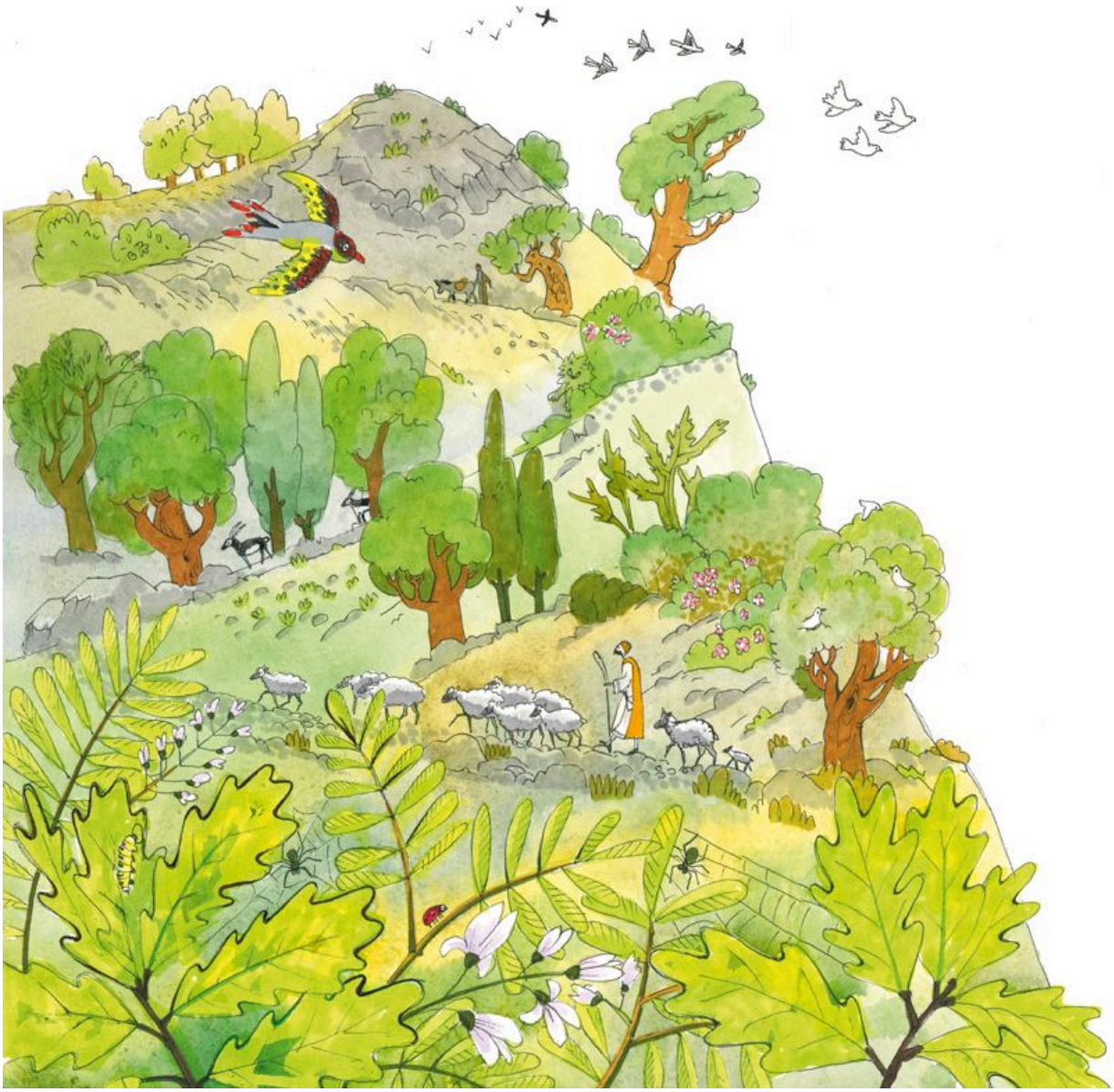
похороненными здесь, на склоне Елеонской горы. Дело в том, что именно отсюда, из долины Иосафата, по предсказаниям пророков, начнется воскресение мертвых. Потому что именно здесь, на Елеонской горе в конце времен будет Второе Пришествие Иисуса Христа. Господь снова придет на землю там же, где простился со Своими учениками и вознесся на небо. В книге Деяния святых апостолов это описано так: *...Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо. Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути. (Деян 1:9–12)*

Но что же это за субботний путь и как далеко Масличная гора находится от Иерусалима? Субботним путем называли в Израиле тысячу шагов, которые благочестивые иудеи могли сделать в день покоя — субботу. По иудейскому закону, один день в неделю нужно посвящать Богу. В этот день нельзя работать и вообще ничего нельзя делать, а можно только читать Библию и молиться. Но поскольку у человека бывают разные неотложные дела, закон разрешал ему сделать в субботу тысячу шагов. Получается, что Елеонская гора находится совсем рядом с Иерусалимом, менее чем в километре от городских стен.

С ее склонов открывается великолепный вид на город. Иисус любил сидеть здесь по вечерам и смотреть на Иерусалим в лучах закатного солнца. Отсюда, с Елеона, Он совершил свой царственный вход в Иерусалим, когда все жители города радостно приветствовали его и стелили свои одежды под копыта осленка, на котором Он ехал. А у подножия горы шелестел листьями масличный сад, где Иисус с учениками любил останавливаться на ночлег, выйдя из города. Здесь, в Гефсиманском саду, его и предал один из учеников по имени Иуда. Он привел с собой стражников и поцеловал Иисуса, чтобы те поняли, кого им надо хватать. Отсюда Его увели на мучения и смерть. И отсюда же, с Елеонской горы, Он вознесся на небеса после Своего Воскресения из мертвых.

Фавор

А вот гора Фавор расположена от Иерусалима очень далеко. В Евангелии название этой горы не упоминается, но в церковном предании именно с Фавором связано одно из важнейших событий в истории человечества. Здесь Иисус Христос впервые обнаружил перед людьми Свое Божество видимым образом. Нет, конечно, Он и раньше творил чудеса — исцелял безнадежно больных и даже воскрешал мертвых, останавливал бурю на море одним Своим словом. Но при

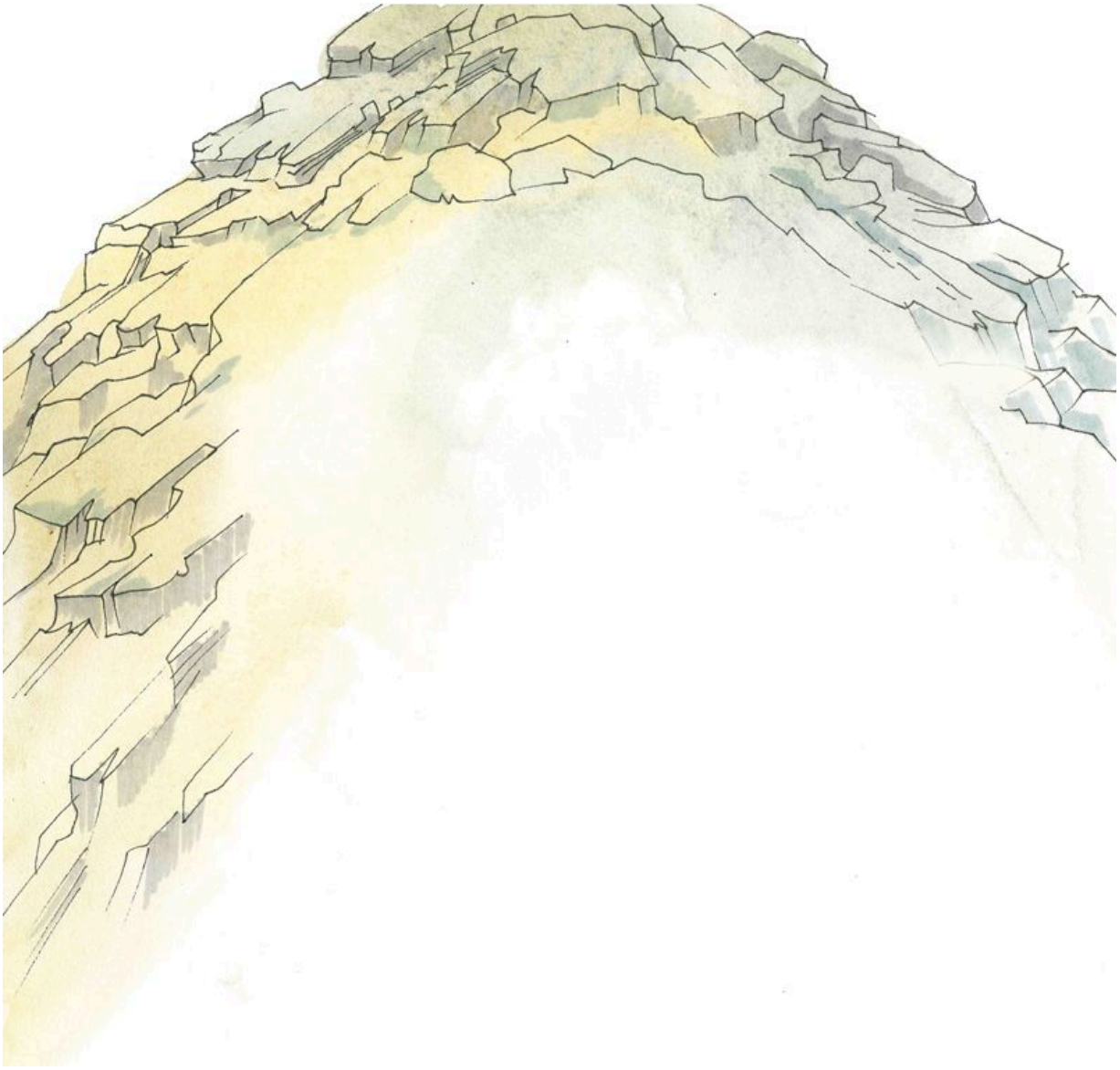
этом внешне оставался для всех присутствующих обычным человеком, ничем не отличающимся от всех других людей. И вот пришел день, когда трое избранных Им учеников увидели воочию, Кто же был рядом с ними все эти годы: И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе. И, по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними. Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом. При сем Петр сказал Иисусу: Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии. Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе. И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте. И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса (Мк 9:1–8).

Высокой горой, на которой произошло это чудо, и был Фавор. Здесь, на ее вершине перед изумленными учениками явились давно умершие великие пророки Моисей и Илия, беседующие с их Учителем. А сам Учитель вдруг изменился удивительным образом. Не только одежды Иисуса светились неземной белизной, но и лицо Его стало сиять, словно солнце.

Гора Фавор расположена всего в нескольких километрах от Назарета — небольшого селения, где прошли детство и юность Иисуса. Склоны Фавора покрыты вечнозелеными дубами, оливами, акацией, орешником, олеандром, кустами диких роз и жасмина. Подниматься на гору пешком приходилось часа три. Но зато тем, кто проделал этот путь, открывался удивительный вид на окрестности Фавора. Со всех сторон гору окружает плоская равнина. Словно аккуратно поделенные кусочки торта, видны на ней поля и сады. Вся долина внизу изрезана линиями дорог. Отдельно от других — прямой, как стрела, главный путь из Египта в Дамаск. Каждый день по нему шли караваны из могучих верблюдов, везущих разные товары. Но отсюда, с Фавора они казались не больше муравьев. А на горизонте в легкой дымке виднелись горы, окружающие Галилейское море.

Здесь, среди всей этой земной красоты Иисус открыл Своим ученикам красоту небесную, затмевающую любые человеческие представления о прекрасном. Спустя сорок дней Ему предстояло отдать Свою жизнь ради спасения человечества. Иисус знал, что для учеников Его смерть будет тяжелым испытанием. Чтобы укрепить в них веру, Иисус ведет их на гору Фавор и показывает им то, чего никто еще не видел на земле,— сияние Своего Божества.

Каранталь

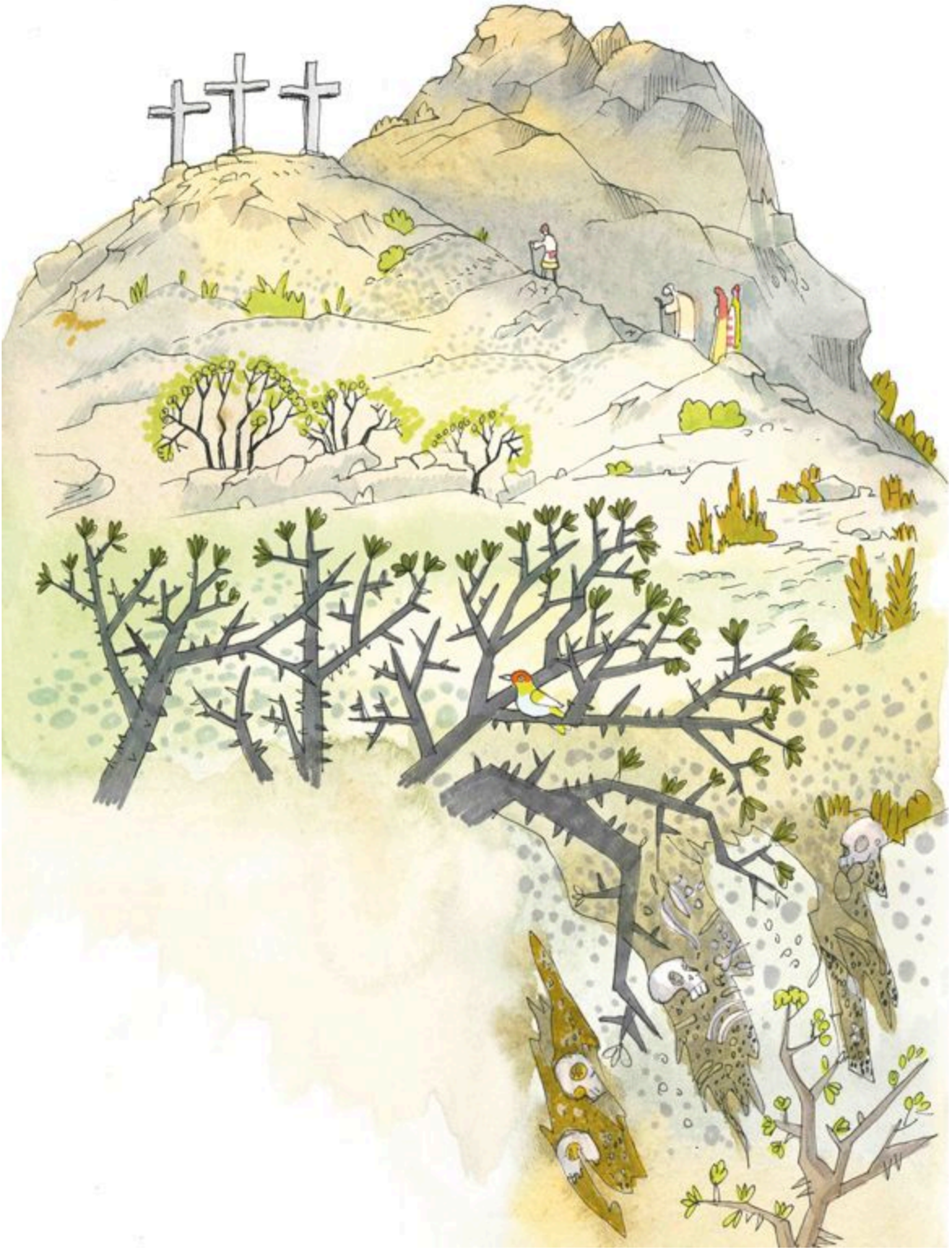
Еще одна гора, которая не упомянута в Евангелии — гора Каранталь. Здесь нет ничего удивительного, поскольку во времена земной жизни Иисуса такого названия у этой горы не было. Получила она его лишь после событий, которые на ней произошли. А вот события эти как раз и были описаны в Евангелии довольно подробно. Дело в том, что слово «каранталь» — это искаженное латинское числительное «сорок». Так была названа гора, где Иисус Христос проводил свой

сорокадневный пост после крещения. Иисус, исполненный Духа Святаго, возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню. Там сорок дней Он был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал. И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим. И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее; итак, если Ты поклонишься мне, то всё будет Твое. Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи. (Лк 4:1–8)

Каранталь — часть горной гряды, идущей вдоль Иудейской пустыни. В отличие от поросших деревьями Фавора и Елеона, здесь совсем нет никакой растительности. Лишь у подножья можно увидеть высохшую на солнце траву и редкий кустарник. Сама же гора Каранталь — это огромная каменная глыба с отвесными склонами. Подняться на ее вершину под силу лишь опытным скалолазам. По преданию, в пещере на восточной стороне этой неприступной горы и проводил Свой пост Иисус Христос. А с вершины Каранталя дьявол показывал Ему все царства мира.

Человеку в этих местах тяжело пробыть даже несколько часов. Жара, высота, угрюмые скалы, на которых нет и травинки… Однако Иисус Христос провел здесь сорок дней в полном одиночестве, не вкушая пищи. На обожженной солнцем горе Каранталь Он показал всему миру, как слабость тела можно преодолеть силой духа, устремленного к Богу.

Голгофа

В Евангелии упоминается еще одна гора. По сути это и не гора даже, а лишь небольшое скалистое возвышение на холме, который располагался неподалеку от городской стены Иерусалима. Скала на холме была местом, где казнили преступников. Называлась она — Голгофа. Иногда так называют весь холм, иногда — только саму скалу.

Страшное место находилось под горой. Раньше там был карьер, где добывали камень для городских построек. Со временем на месте карьера образовалась глубокая яма, куда после казни обычно сбрасывались тела преступников вместе с крестами, на которых те были распяты. Западную часть бывшего карьера люди засыпали землей и посадили там красивейшие сады. В свое время владельцем одного из таких садов являлся знатный иудей Иосиф Аримафейский. Здесь же, на холме, располагались гробницы знатных людей, одна из которых тоже принадлежала Иосифу. А еще к холму примыкала небольшая смотровая площадка. Именно на этом месте собирали народ смотреть на казнь преступников.

На эту гору Иисус поднялся лишь однажды. Сюда, на Голгофу, после беззаконного суда и нечестного приговора Его привели, чтобы предать смерти через распятие. Это была очень мучительная казнь. Человек на кресте не умирал сразу, а страдал еще много часов от боли в пробитых гвоздями руках, от палящего зноя и от укусов множества мух и оводов. Многие из казненных не выдерживали такого мучения и перед смертью сходили с ума.

Иисус был распят вместе с двумя разбойниками, осужденными за убийство людей. Один из них от невыносимой боли стал ругаться и говорить Иисусу: «Если ты действительно — Сын Божий, тогда почему ты позволил с собой это сделать? Сойди с креста и нас тоже освободи!» Другой же разбойник, напротив, унимал его и говорил: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? Только мы-то с тобой осуждены справедливо и получили то, что заслужили нашими кровавыми делами, а Он ничего плохого не сделал». И сказал Иисусу: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!»

Иисус ответил ему: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

Их распяли в полдень. Через шесть часов Иисус умер на кресте. Это случилось вечером в пятницу. После захода солнца по иудейскому закону наступала суббота — день покоя, когда иудеи не должны были выполнять никакой работы. Поэтому, желая побыстрее закончить казнь, стражники убили разбойников. А чтобы убедиться в смерти Иисуса, воин ударил Его копьем под сердце. Вытекшие из раны капли крови упали на камни Голгофы — могилы первого человека. Так совершилось искупление греха Адама, за которого пролил Свою кровь безгрешный Сын Божий.

Убитых разбойников сбросили в карьер. А тело Иисуса забрал с места казни Иосиф Аримафейский и похоронил его в своей гробнице на склоне холма. Здесь тело Спасителя и пребывало до Его Воскресения, которое случилось на третий день после распятия.

* * *

Горы в Иудее не очень высокие. Фавор — 588 метров, Елеон — 815 метров, Каранталь — 380 метров. Высоту Голгофского холма определить трудно, но сама скала на его вершине была немногим более 10 метров.

Казалось бы, что значат эти «малыши» в сравнении с гигантскими горами, например Гималаями, где есть вершины высотой в целых восемь километров! Однако именно эти названия — Голгофа, Фавор, Елеон — в самых разных народах по всей земле вспоминают вот уже две тысячи лет. Потому что каждая гора — памятник людям или событиям, с нею связанным. А эти горы оказались участниками самой важной части в истории человечества — земной жизни Иисуса Христа.

Александр Ткаченко

Иллюстрации Галины Воронецкой

Подари «Фому»!

Хочешь помочь неимущим получать «Фому»?

Многодетные семьи, одинокие старики, тяжелобольные люди и сельские приходы не всегда могут позволить себе подписку на наш журнал. Мы получаем много писем с просьбами помочь им в этом и всегда тщательно проверяем каждое обращение.

Помогите нам сделать «Фому» доступным для всех.
Пожертвовать на благотворительную подписку можно:

1) с помощью денежного перевода на эти реквизиты:

Получатель: Фонд «Фома Центр»
Расчетный счет: 40703810900000010572
в АКБ «РосЕвроБанк» (АО) г. Москва
БИК: 044525836 к/с: 30101810445250000836
Назначение платежа:
«Пожертвование на Благотворительную подписку»

2) на сайте «Фомы» в разделе «Подписка»

найдите пункт «Благотворительная подписка»
и нажмите на кнопку «Помочь»

реклама

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Фома» — православный журнал для сомневающихся — был основан в 1996 году и прошел путь от черно-белого альманаха до ежемесячного культурно-просветительского издания. Наша основная миссия — рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества. Мы стремимся обращаться лично к каждому читателю и быть интересными разным людям независимо от их религиозных, политических и иных взглядов.

«Фома» не является официальным изданием Русской Православной Церкви.

В тоже время мы активно сотрудничаем с представителями духовенства и различными церковными структурами. Журналу присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви».

Если Вам понравилась эта книга — поддержите нас!